

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Яблоко Монте-Кристо

Агентство частного сыска
Иван Подушкин

Джентльмен сыска Иван Подушкин

Дарья Донцова

Яблоко Монте-Кристо

«ЭКСМО»

2006

Донцова Д. А.

Яблоко Монте-Кристо / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2006 — (Джентльмен сыска Иван Подушкин)

Детективное агентство «Ниро» снова взялось за расследование очень загадочного преступления. После разговора с призраком умершего сына от шока умерла клиентка агентства Зоя Вяземская. Хозяйка «Ниро» Элеонора на все сто уверена, что никакого призрака не было, а Зою кто-то убил таким вот изощренным образом. Расследовать же все это безобразие предстоит не кому иному, как Ивану Павловичу Подушкину – бессменному секретарю и помощнику Элеоноры. И все бы ничего, если бы матушка Вани Николетта не велела ему немедленно купить ей экзотических омолаживающих жуков...

© Донцова Д. А., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дарья Донцова Яблоко Монте-Кристо

Глава 1

Если вы хотите навсегда избавиться от приятеля, дайте ему денег взаймы, а если желаете более никогда не встречаться с каким-нибудь родственником, позвоните ему и скажите:

– У нас тут ремонт начался, не приютите ли на полгода меня, Таню, двух наших детей и сенбернара? Аквариум с рыбками мы уже отнесли к теще.

Можете поставить опыт на своих близких, я абсолютно уверен, что девяносто девять и девять десятых процента из них мигом воскликнут:

– Дорогой, рад был бы оказать тебе столь незначительную услугу, но...

Далее возможны варианты, скорей всего, вторая половина фразы будет звучать так: «Мы через десять минут улетаем в Нью-Йорк, уж стоим у трапа самолета», или «У самих завтра ванну меняют». Впрочем, может, ваши родные более изобретательны и заявят: «Ой, дорогой, тут такое дело! Прикинь, наши соседи разлили повсюду ртуть, дом оцеплен милицией, сами не знаем, где ночевать».

А как бы вы поступили, поняв, что на вашу личную жилплощадь собирается высадиться десант с детьми и собаками? Только честно? Я не принадлежу к людям, которых может привести в восторг подобная перспектива, поэтому советую не теряться и найти нужные слова для отпора в тот момент, когда племяннички звонят в дверь вашего уютного дома.

Но увы, не всегда мы успеваем сориентироваться, даже такой личности, как Нора, свойственно ошибаться.

29 сентября, около семи часов вечера, я мирно дремал в своей комнате, одним глазом глядя в телевизор. Только не подумайте, что я увлекся новостями, боже упаси, не выношу ужасы. Сообщения о цунами, тайфунах, авиакатастрофах и терактах вызывают у меня приступ депрессии, поэтому я предпочитаю мирные передачи из жизни животных или рассказы о растениях. Впрочем, еще люблю программу «Графоман», рассказывающую о книгах: мне импонирует стиль ведущего, настоящего интеллигента по имени Александр, даже то, что он швыряет в мусорную корзину кое-какие, на его субъективный взгляд, малоинтересные произведения, меня не раздражает. В Александре нет злости, агрессии, а главное, зависти. К тому же он обладает столь редким теперь для телеработника качеством, как умение владеть родной речью, и я наслаждаюсь ровным звуком его голоса без всяких «э», «бе», «mmm» и диких словосочетаний типа: «Эта книга суперская, бегите рысью в магазин, все, эй, вы слышите, все перцы должны схватить томик, выпущенный издательством „БМП“, кстати, спонсор нашей программы – „БМП“».

Укрывшись мягким пледом, я предавался безделью, из коридора до моего слуха не доносилось ни звука, домработница Ленка куда-то ушла, Нора...

– Иван Павлович! – вдруг закричала хозяйка.

Я вздрогнул: ну вот, сглазил!..

– Ваня, иди сюда!

– Уже бегу.

– Быстрее!!!

Больше всего меня удивляет манера Норы требовать от своего секретаря поведения Сивки-Бурки, возникающего перед человеком через секунду после вопля «Встань передо мной, как лист перед травой». Мне же требуется как минимум пара минут, чтобы дойти до ее кабинета, увы, я не владею методом телепортации.

– Не жвачься, – сердито сказала Нора.

– Что случилось? – слегка запыхавшись, поинтересовался я, войдя к ней.

– К нам сейчас придет клиент! – с детской радостью в голосе воскликнула Элеонора. – Открой ему дверь.

Я кивнул.

– Почему ты насупился? – пошла в атаку хозяйка. – Отчего на лице выражение парализованного тюленя?

Из моей груди вырвался тяжкий вздох, я уже неоднократно говорил о своем обостренном восприятии речи. Ну какая гримаса может быть на лице, простите, морде парализованного тюленя? Если уж несчастное животное в силу болезни потеряло возможность двигаться, то его лицевые мышцы не способны шевелиться. Или мышцы морды? Интересно, как следует правильно выражаться в подобном случае? Мордовые мышцы? И есть ли они у тюленя?

– Эй, Ваня! – сердито воскликнула Нора. – Вернись из тьмы!

Я вздрогнул и тут же услышал звонок.

– Вот это похвальная оперативность, – довольно кивнула Нора. – Раз, и на месте, не то что некоторые! Ваня, не маячь столбом! Поторопись!

Я порысил по коридору. Нетерпение хозяйки понятно: у нас случился временный перебой с заказчиками. Первые три дня простоя Нора потирала руки и твердила: «Отдохнуть не помешает», на четвертые сутки она загрустила, на пятые впала в депрессию, а к концу недели начала придираться ко мне по мелочам. Думаю, сейчас она схватится за любое дело, даже если ее попросят отыскать пропавшую болонку!

Дойдя до двери, я взглянул на экран видеофона и увидел мужчину примерно моих лет, одетого в мешковатую, слишком теплую для бабьего лета куртку и старомодную шляпу из черного фетра. Следует признать, долгожданный клиент не похож на олигарха или простого миллионера, навряд ли Нора хорошо заработает на этом заказе, хотя иногда случаются чудеса: встречались на моем пути очень богатые люди, зимой и летом обутые в рваные от старости кеды.

Я распахнул дверь и приветливо улыбнулся:

– Добрый вечер.

– Здравсти, – кивнул незнакомец, – Элеонора тут проживает?

– Да, да, входите.

– Ой, хорошо-то как, – вдруг бурно обрадовался клиент, – я думал, вдруг чего не так!

– Мы спокойные люди, – профессионально улыбнулся я, глядя, как потенциальный заказчик медленно стягивает верхнюю одежду, – с нами особых пертурбаций не случается!

– Ну, там... переехали куда или ваще адрес не тот!

– Нет-нет... «Ниро» на месте. Вам не кажется, что смена квартиры подобна пожару?

Мужчина нахмурился, на его челе появились морщины, я удивился. Отчего настроение заказчика претерпело столь радикальное изменение? Вроде ничего обидного или неприятного я не произнес, просто перефразировал поговорку!

В полном молчании мужик нацепил куртку на крючок, потом ладонью пригладил торчащие в разные стороны волосы и с чувством заявил:

– Вот сейчас я подумал и пришел к выводу: не прав ты! Ежели из маленькой фатерки, где жил с женой, тремя детьми и тещей, в просторный дом перебираешься, то это не пожар, а радость!

Большие круглые глаза клиента уставились на меня не мигая, я подавил смешок и, решив не продолжать дурацкую беседу, предложил пройти:

– Нам сюда, по коридору налево.

– Экие у вас хоромы, – забубнил мужичонка, – сколько ж комнат?

– Ну... вполне достаточно, семь.

– Ой! А народу много?

– Не слишком. Хозяйка, я и домработница.

– Ох и ни фиги себе! Зачем же вам целое море горниц?

– Столовая, гостиная, кабинет, три спальни и помещение для гостей – вполне обычно, – пожал я плечами.

– Ни фиги себе! – воскликнул дядька. – Небось Нора прилично зарабатывает! В месяц она тысячу долларов имеет?

Бестактность вопроса удивила меня, но уже через мгновение я сообразил, что к чему. Мужчина, решивший обратиться к Элеоноре и нанять ее в качестве детектива, очень хитер. Сейчас он прикидывается валенком, человеком, к которому в полной мере относится поговорка: «Простота хуже воровства», но в выбранной роли есть одно преимущество. Корча из себя неотесанного идиота, заказчик узнает много ему нужного, а главное, насколько востребована на рынке Элеонора.

Ну согласитесь, если никто до вас не прибежал к услугам сыщицы и она сидит в тоске за дверью маленького, грязного офиса в ожидании хоть какого-нибудь клиента – это не слишком хорошая реклама. А вот наличие огромных апартаментов – уже плюс для владелицы «Ниро». Ну, заяц, погоди! Я не настолько глуп, чтобы не понять твоей хитрости, и сейчас знаю, как себя вести.

– Элеонора зарабатывает очень много денег, – с готовностью ответил я.

– И че? Больше шутики баксов? – выкатил глаза прикидывающийся олигофреном мужик.

– Да, мой друг, – закивал я, – боюсь, вы не переживете, если я озвучу вслух сумму, представленную в налоговой декларации, но, сами поймите, финансовые дела являются коммерческой тайной.

– Ну и ну! И откуда она берет бабки? Картины у вас красивые по стенам развешаны, сами малюете или приятели дарят? – продолжал сыпать вопросами незнакомец.

– Полотна созданы хорошими художниками, – терпеливо поддержал я беседу. – Нора собирает живопись. Впрочем, в коридоре не самые дорогие пейзажи, наиболее ценные холсты в комнатах. Что же касается вопроса о происхождении капитала владелицы агентства, то ответ здесь прост: к Норе стоит очередь из заказчиков, еле-еле справляемся, кое-кому отказывать приходится. Сюда, пожалуйста!

С этими словами я подтолкнул дядьку в кабинет, где за письменным столом сидела Элеонора. Вам ни за что не догадаться, как повел себя гость при виде моей хозяйки!

Думаете, он представился, сел в кресло и начал спокойно излагать суть дела, приведшего его к детективу? Вовсе нет. Одним прыжком дебил преодолел расстояние от двери до рабочего кресла и начал бурно целовать Нору, изредка выкрикивая:

– Во классно! Супер! Я вас нашел.

Больше всего Элеонора ненавидит объятия и лобзания, в особенности ей не по душе крайнее проявление чувств от незнакомых людей. Если совсем откровенно, то хозяйка скорее прижмет к себе жабу, чем постороннего человека. Зная об этой черте Норы, я стряхнул с себя удивление и, начав действовать решительно, подошел к дядьке, похлопал его по плечу, а затем твердо сказал:

– Сделайте одолжение, сядьте, придите в себя и начните рассказ.

Мужчина никак не отреагировал на мою пламенную речь, он продолжал облизывать Элеонору, я даже растерялся, но тут хозяйка сумела вывернуться из его цепких рук и с негодованием воскликнула:

– С ума сошел! Ты ел воблу! Отвратительно!

– Всего одну рыбку, с пивом, на вокзале, – признался мужик и радостно взвизгнул: – Ты меня узнала?

– Нет, – сердито ответила Нора, схватила со стола упаковку бумажных платочков и принялась яростно вытирать лицо и шею. – Мы разве знакомы?

– Дык, конечно, – засуетился мужичонка, судорожно раскрывая портфель. – Во, глянь фотки!

Нора уставилась на снимки, которые ей протягивала не совсем чистая, а если быть откровенным, просто грязная рука.

– Ну, позырь. Это тетя Катя, во!

– Тетя Катя? – вздернула брови Нора.

– Верно! – пришел в экстаз клиент. – Слева дядя Юра, на табуретке бабка, за ней дед Михаил, не Павел, Пашка уже тогда помер. По правую руку Анька, бабкина племянница! Ну ваще-то не родная, она от дедовой второй жены третьего мужа пятой дочери сына. Сеня его кличут. Так Сеня мне кумом приходится! Во, это я.

– Где? – окончательно растерялась Нора.

– Дык в коляске, возле Машки, жены Пашки, который помер из-за дяди Юры, тот в него вилы ткнул по случайности. Пришел в сарай сено корове нагрести, а там Пашка спит, он туда из-за Ленки влез, соседки Ваньки, которого Любка выперла, потому что за Николашу замуж вышла. Теперь разобралась?

Я скосил глаза на Нору: первый раз за годы службы вижу, чтобы хозяйка потеряла способность к вербальной активности, у нее, похоже, парализовало голосовые связки, наверное, от крайнего удивления. Но гость истолковал воцарившуюся тишину по-своему.

– Значитца, скумекали, – удовлетворенно закудахтал он, – а вот и ты!

– Где? – отмерла Нора.

– На фотке, возле Мишки, который в колодец упал. Утоп, бедолага, спьяну. Зря его Анька за водой бухого послала. Могла б сообразить, что это плохо закончится. У нее уже Сережка-то утонул, на фига было Мишку посылать... – зачастил гость.

Элеонора выхватила из рук дурака снимок.

– Действительно, – протянула она, – это я, вот странность. Так! Молчать!

Дядька вздрогнул и закрыл открывшийся было рот.

– Ни звука более! – рявкнула Нора. – Отвечайте лишь на мои вопросы. Вы кто?

– Леха, – растерянно сообщил клиент.

– А если назваться полностью?

– Алексей Иванович Одежалкин, – пробормотал дурак.

Я вздрогнул, Нора хмыкнула:

– Одежалкин, это здорово. Теперь нам нужны Кроваткин, Простынкин и Тумбочкин, тогда набор станет полным!

Леха вытаращил глаза, его недоумение было легко объяснимо: последняя фраза Норы явно прозвучала для гостя загадочно. Алексею ведь неизвестно, что я Иван Павлович Подушкин.

– И какое дело привело вас к нам? – начала докапываться до истины Элеонора.

– Так приехал на обследование, во, у меня бумага есть, – засуетился Леха, – направление в центр, здоровье зашалило... сердце...

Фразы полились из Алексея Ивановича, словно вода из крана; несмотря на некую корявость речи и бесконечные слова-паразиты, я довольно быстро разобрался в сути вопроса.

Леха живет не в столице, а в маленьком городке. В последнее время он, несмотря на молодость, испытывает некий дискомфорт в левой стороне тела, его словно колют булавкой то в районе лопатки, то чуть ниже. В родном местечке Одежалкина есть больница и врачи. Только, увы, диагностировать болезнь местные гиппократы могут лишь при помощи фонендоскопа и рентгена, о всяких новомодных примочках вроде томографа в крохотной клинике знают лишь

понаслышке. Но Леха упорный человек, к тому же он очень испугался грозящего ему инфаркта, вот и сумел выбить для себя направление в столичную клинику.

Но мало получить необходимую справку с печатями, надо еще купить билет, добраться до Москвы, поселиться в гостинице... В общем, болеть – дело затратное, а Леха совсем не богат. Ладно, на проезд он наскреб, но вот на отель не набрал, денег на дорогой номер не хватило. Леха расстроился и даже упрекнул свою сестру Нинку:

– Ты слишком много на себя тратишь, за каким фигом журналов накупила?

Нинка обозлилась, и у родственников вышел скандал, но только зря Леха кипятился, именно любовь сестрицы к глянцевым изданиям и помогла решить проблему. После Нины красивые фото в журнале рассматривала мать; несмотря на возраст, она хорошо видит, и с памятью у нее порядок.

– Гляди-ка, Леха, – воскликнула мамашка, – это ж Норка! Какая она, однако, богатая стала и совсем не изменилась!

Одеялкин уставился на снимок.

– Кто? – спросил он.

– Нора, – ответила мать, – наших троюродных братьев внучатая племянница. Мы дружили, она у нас разок гостила, даже фотка есть! Со свадьбы Генки!

Порывшись в альбоме, старуха нашла фото, Леха взглянул на него и присвистнул. Незнакомая родственница и богачка из журнала были очень похожи, даже родинка на щеке та же самая.

– И кличут ее Элеонорой, редкое имя, и фамилия наша, – задумчиво протянула мамашка. – Она это!

Леха раскинул мозгами и пошел к Вене, приятелю, который работал корреспондентом в газете. Вениамин в свое время учился в Москве, в МГУ, и имел знакомых в столице. Не прошло и недели, как Одеялкин получил адрес Элеоноры, и вот теперь он топчется в кабинете, простодушно заявляя:

– Можно поживу у вас денек-другой? Совсем денег нет!

Нора заморгала, я деликатно хранил молчание. Значит, Одеялкин не клиент, он ее родня из провинции. Повисла напряженная тишина.

– Ага, – бормотнул Леха, – ну, понятно. Извиняйте, конечно, я не со зла пришел. Тебе, тетя Нора, привет от мамоньки и от братьев всех передать велено. Ну че? Мне уходить?

Мы с хозяйкой молчали.

– Ясненько, – сказал Леха, – ну тогда... того... прощайте, не поминайте лихом, на вокзал попрусь. Говорят, там можно ночевать, хотя врут небось. Только вы меня отсюда выведите, запутаюсь в хорамах, больно коридоров много, прям дворец!

Взгляд голубых простодушных глаз Одеялкина сфокусировался на мне. Неожиданно я ощутил дискомфорт, так, наверное, чувствует себя человек, к которому на улице привязался бездомный щенок. Взять собачку к себе нет возможности, оставить под дождем живое существо не позволяет совесть. Я поежился, Леха сгорбился. И тут дверь кабинета распахнулась, на пороге возникла домработница Ленка, замотанная в темно-синее платье.

– Чего на ужин мастерить? – слегка запыхавшись, поинтересовалась она. – Котлеты? Или не морочиться и просто мясо отварить? По мне, так второе лучше, еще и суп получится, колготки меньше!

– Елена, – сурово оборвала прислугу Нора, – сколько раз тебе повторять: не вривайся в кабинет без спроса с пустяковыми вопросами!

– Ничего себе пустяк, – обиделась Ленка. – Вам, конечно, печали нет, а мне заморочка: доставать мясорубку или нет? Знаете, сколько с ней возни? Сначала собери, потом помой, да еще жилы на ножик наматываются, вспотеешь, пока фарш сделаешь!

- Замолчи! – рявкнула Нора. – Немедленно отведи Алексея Ивановича в гостевую и устрой его там.
- Ой, спасибочки, – затарахтел Леха.
- Ступайте, – устало махнула рукой Нора. – Потом побеседуем.

Глава 2

Когда Одежалкин в сопровождении шмыгающей носом Ленки покинул комнату, я не удержался и ляпнул:

– Вот уж не знал, что у вас имеются родственники в провинции!

Нора объяснила:

– У моей матери была куча сестер, дедушка три раза женился, в каждом браке рожал детей, из-за старого шалуна все перемешалось. В прежние годы я иногда ездила к родичам, ну а потом связь прервалась. Может, порасспрашивать этого Леху поподробнее, а то я никак не соображу, с какой стороны мы родственники? И там...

Конец фразы я не услышал: из коридора донеслось настойчивое звяканье.

– Ваня, – моментально забыла о своем многоюродном братце хозяйка, – иди скорей к двери, это клиент.

На этот раз в прихожую вошли две женщины, явно мать и дочь, потому что похожи они были чрезвычайно. Обе голубоглазые блондинки, хрупкие, маленького роста, одетые в джинсы и коротенькие красные курточки.

– Мы договорились о встрече с Элеонорой, – воскликнула та, что постарше.

– Если пришли раньше, то можем подождать на лестнице, – нервно воскликнула молодая.

– Проходите, пожалуйста, – улыбнулся я, – не надо снимать туфли.

– Как же так! – возмутилась мать. – По чистым полам в грязной обуви! Только мужчина способен на подобное предложение! Лялочка, помоги.

Дочь присела и ловко развязала ей шнурки.

– Готово, мамуся.

Я терпеливо ждал, пока дамы приведут себя в порядок: процесс занял не одну минуту. Сначала Ляля и ее мать сняли красные курточки, под которыми оказались идентичные белые кофточки, затем из сумочек появились расчески, пудреницы, губные помады. Став после всех манипуляций еще более похожими, женщины прошли в кабинет, сели в кресла и хором сказали:

– Вас нам порекомендовала Алиса Брыкова, знаете ее?

– Конечно, – кивнула Нора, – в свое время я помогла Алисе. Давайте по порядку: как вас зовут?

– Ляля, – сказала молодая.

– Зоя, – тут же сообщила мать.

– Мое имя вы знаете, – улыбнулась Нора, – а это Иван Павлович Подушкин, без него я никуда, помощник, секретарь, детектив – единый во многих лицах.

– Очень приятно, – хором ответили дамы.

Я поклонился:

– Мне тоже.

– На этом светскую часть церемонии можно считать закрытой, – сказала Нора. – Давайте приступим к делу. Что случилось?

– Недавно умер Игорь, – хором проскандировали дамы и разом вытащили из пузатых ридикюлей носовые платки. – Ушел совсем молодым, в расцвете сил...

– Будет лучше, – перебила «хоровое пение» Нора, – если вы станете говорить по очереди. Одна сообщит суть дела, вторая дополнит.

Дамы переглянулись.

– Лучше ты, мама, – пробормотала Лялочка.

– Нет, доченька, Игорек был твой муж, значит, тебе первой слово, – попыталась уйти в кусты Зоя.

– Я не очень-то способна излагать события, – вздохнула Ляля. – Сама знаешь, нет дара особого.

– Доченька, никогда не оговаривай себя, ты изумительная рассказчица, – возмутилась Зоя.

– Но Игорь всегда говорил: «Ляля, лучше помолчи».

Зоя заломила руки:

– Игорь иногда был бестактен. Мужчина, что с него взять!

– Мама! Он был замечательный, – бросилась на защиту покойного супруга Ляля.

– Не спорю, но не всегда ласковый. А в особенности в последнее время, когда начал пить.

– Мамулечка! Ты же знаешь, отчего он хватался за бутылку, – покраснела Ляля. – У него был ужасный стресс!

– Верно, – закивала Зоя, – на уровне рефлексов я могу оценить ситуацию, но умом – нет! Нельзя назююкиваться до свинского состояния, а потом вваливаться в дом и пугать жену!

Я тихонечко вздохнул: вот почему я не спешу затянуть на своей шее петлю брака. Найти жену, с которой можно спокойно вести размеренный образ жизни, вполне по силам практически любому мужчине. Но увы, к супруге в придачу прилагаются теща, тесть, подружки, сестры, братья, бабушки, дедушки...

– Давайте вернемся к основной теме беседы, – хлопнула ладонью по столу Нора. – Ляля, говорите вы!

Молодая женщина покраснела.

– Лучше мама!

– Нет, доченька, – мгновенно возразила Зоя.

– Но Игорь всегда говорил...

– Не следовало его слушать...

Разговор вновь плавно вырлил в уже проторенную колею.

– Спокойно! – рявкнула Нора. – Зоя молчит, Ляля излагает!

Дочь откашлялась и начала рассказ. Вначале ничего необычного она не сообщила.

Лялечка не москвичка, училась в не слишком «женском», на мой взгляд, вузе, где преподавали автодело. Я всегда считал, что машины и дороги прерогатива мужчин, но у Лялечки было другое мнение по сему вопросу. Институт дал студентке не только высшее образование, но и мужа. Лялечка увлекалась художественной самодеятельностью и активно участвовала во всех постановках студенческого театра. Вот на репетиции очередного спектакля она и познакомилась с молодым преподавателем Игорем Андреевичем.

Высокий, смуглый, черноволосый и кареглазый молодой мужчина был просто ожившей девичьей мечтой. Мало того, что Игорь обладал спортивной фигурой, «кубиками» на животе и рельефными бицепсами, мало того, что он великолепно читал лекции, лихо водил машину, замечательно пел, танцевал и мастерски рассказывал анекдоты, был коренным москвичом из интеллигентной семьи, так еще и фамилия у него оказалась аристократическая – Вяземский.

Лялечка тоже была вполне симпатичной девушкой, но она хорошо понимала: Игорь не обратит на нее никакого внимания. Ляля не отличалась ни особой красотой, ни яркими талантами. Ее, правда, весьма охотно взяли в театральную студию: должен ведь кто-то играть горничных или изображать толпу. Отдавая себе отчет в своих возможностях, Ляля обожала Игоря издали, не смея приблизиться к преподавателю. Ну какие шансы имелись у девушки из необеспеченной семьи, чье личико было довольно милым, но совсем стандартным. Кстати, и фамилия Ляли весьма заурядная – Иванова.

Когда Ляля перешла на второй курс, театр замахнулся на Шекспира, ни больше ни меньше как на Гамлета. Угадайте, кто должен был изображать принца Датского? Правильно, Игорь. Роль Офелии отдали местной звезде, красавице Рите. Увидев, как любимый и «Мисс

института» репетируют одну из сцен, Ляля ощутила приступ грусти. Не ревности, нет. Ревновать к Рите было все равно что завидовать английской королеве. Риточка казалась идеальной парой для Игоря, и, наверное, Вяземский это отлично понимал.

Ляле досталась роль одной из придворных. В финальной сцене дуэли она стояла около столика, где восседала королева Гертруда, и это к ней обращалась та с просьбой подать бокал вина.

Рита блестяще сыграла Офелию, Игорь был неподражаем в роли Гамлета. По окончании представления зал рукоплескал стоя.

Когда занавес закрылся, Игорь повернулся к Рите и произнес:

– Ты была великолепна!

Офелия слегка покраснела, Вяземский же двинулся к партнерше, говоря на ходу:

– Мы можем пойти в кафе, отметить твой успех.

Рита кивнула, шагнула вперед, но тут случилось невероятное. Продолжая улыбаться и сжимая в руке букет цветов, полученный от одной из зрительниц, Игорь спокойно, словно тумбочку, обошел Офелию, приблизился к Ляле и, протянув ей розы, продолжил:

– Ты очень талантлива, может, зря поступила в автодорожный?

От неожиданности Ляля уронила роскошный букет, Рита превратилась в свеклу, остальные участники сцены зашептались и начали кашлять. Один Игорь сохранял спокойствие.

– Поехали, – обнял он Лялю за талию, – или у тебя иные планы на вечер?

Вот так начался роман, о котором сладострастно судачили все студенты института, да что там учащиеся – педагоги тоже не удержались от искушения почесать языки. Алена Сергеевна, «англичанка», один раз начисто забыв о служебных обязанностях, весь семинар с пеной у рта спорила с пятикурсницами на тему: как скоро Вяземский бросит Иванову.

Но Игорек, не обращая внимания на пересуды, постоянно держался около Лялечки. Потом Вяземский ушел из вуза, решив заняться бизнесом, и «благожелательницы» хором завели:

– Ну все, прошла любовь, завяли помидоры.

Но столь ожидаемого всеми разрыва не произошло. Пара, вопреки прогнозам, сыграла шумную свадьбу, сплетницы еще сильнее замолели языками.

– Залетела она, иначе с какой стати Игорек на этой красоте женится? – шипели студентки.

– Ни рожи, ни кожи, ни ума, а такого парня оторвала, – бубнили преподавательницы.

Ляля получила диплом и покинула институт. Брак Вяземского и Ивановой оказался очень счастливым. Вот только детьми они обзаводиться не спешили, Лялечка, вопреки пересудам, не была беременна, когда шла в ЗАГС.

Говорят, любовь окрыляет. Может, это и так, потому что, получив в паспорте соответствующий штамп, Игорь развил бурную деятельность. Наверное, ему хотелось, чтобы его жена ни в чем не нуждалась. У Вяземского оказалась ярко выраженная коммерческая жилка, он не боялся разумного риска и неким шестым чувством всегда ощущал опасность. Через короткое время после свадьбы Игорь обрел материальную стабильность, сделал в своей квартире ремонт, обзавелся машиной, хорошей одеждой. Вместе с благополучием и зрелостью к Игорю пришли некоторая жесткость и умение твердо сказать «нет» очень надоедливим личностям. Вяземский, как многие достигшие успеха люди, внутренне переродился. Единственное, что осталось неизменным, – это его любовь к Ляле. Вернее, нет, теперь яркое пламя превратилось в ровный огонь: все, что делала жена, казалось Игорю правильным.

Жизнь обернулась к молодой чете яркими, светлыми красками, оставалось лишь радоваться своему счастью, мало сейчас вокруг таких удачливых и в семье, и в работе людей.

Но некоторое время тому назад Игоря вдруг начали преследовать неприятности, если, конечно, этим словом можно назвать чужую смерть.

В октябре Вяземский, приехав на работу, припарковал «Мерседес» у здания своего офиса, пошел ко входу, и тут случилось ужасное событие.

Не успел Игорь дойти до подъезда, как раздался странный звук – то ли свист, то ли шипение, и почти к его ногам упала девушка.

Сначала Вяземский не понял, что случилось. Улица была пуста, откуда взялась незнакомка, почему она упала? Но не успел Игорь оценить ситуацию, как сверху донесся вопль:

– Ма-а-ама! Помогите-е-е!

Вяземский поднял голову: на одном из балконов металась женщина. Ее вопль, очевидно, достиг ушей местных секьюрити, из офиса выбежали парни в черной форме. Один наклонился над лежавшей на тротуаре девушкой и ойкнул:

– Она... того... готова.

– А ты че думал? – нервно воскликнул другой охранник. – Не с табуретки упала!

Игорь шарахнулся в сторону, только сейчас до него дошел смысл произошедшего: на дорожке лежит труп, девушка то ли случайно упала, то ли спрыгнула с лоджии, куда обычно выходили любители подымить.

Но окончательно добил Вяземского один из охранников – глупый мужик подскочил к нему и с невероятной заботой воскликнул:

– Господи, какое счастье, что вы не успели пару шагов вперед сделать, иначе б вас убило на месте!

Вот после сей на редкость «кстати» произнесенной фразы Вяземский едва не заработал инфаркт. Игорь мгновенно представил ситуацию: он идет к входной двери... и тут на голову ему падает тело!

Работать в тот день Игорь не смог, уехал домой. Через некоторое время ему сообщили: девушка не является сотрудницей фирмы Вяземского, она приезжая, которая попросилась у охранников впустить ее в туалет. Умершая была молодой и хорошенькой, поэтому секьюрити, забыв о бдительности, разрешили красавице пройти в здание и воспользоваться санузлом. Более того, один из парней довел ее до нужной двери и оставил там. Каким образом девица оказалась на лоджии, почему прыгнула вниз – осталось неизвестным. При разбившейся не нашли никаких документов, около трупа валялась сумочка, но в ней не было ничего идентифицирующего личность: ни паспорта, ни прав, ни мобильного телефона, ни записной книжки. Внутри замшевого мешочка нашли пудреницу, губную помаду и рекламную листовку одного из московских кафе. Такие «приглашения» бесплатно раздают на улицах, может, и вам иногда впихивали клочок бумаги с надписью: «Приходи к нам. Заказываешь одну чашку кофе, вторую получаешь бесплатно».

Что случилось потом с самоубийцей, обнаружили ли в конце концов ее родных, кто хоронил девушку, Игорь не знал. К Вяземскому у правоохранительных органов претензий не имелось, а в качестве свидетеля от него не было толку.

В результате Вяземского оставили в покое. Игорь пару дней провел дома, потом попытался забыть неприятную историю.

Но не тут-то было! Через три месяца после того происшествия Игорь и Ляля ехали по шоссе в сторону своего дома. Шел дождь, было холодно, вернее, сыкотно. Декабрь в Москве в последние годы все больше напоминает октябрь, мороза нет, под ногами грязь. Лялечка мирно дремала, потом вдруг ее резко качнуло, и она чуть не упала с сиденья.

– Игоряша! – с укоризной воскликнула жена. – Разве можно так тормозить! Я чуть нос о переднее кресло не расквасила!

Но всегда вежливый Игорь повел себя странно. Он не стал извиняться и жалеть супругу, а внезапно, прямо посередине шоссе, выскочил из машины и кинулся вперед. Растерявшаяся Ляля увидела в свете фар, как супруг мечется по проезжей части, потом около Вяземского возникла плотная фигура, одетая в синий комбинезон, и начала интенсивно жестикулировать.

Лялечка испугалась и, решив помочь мужу, вылезла из машины.

– Немедленно вернись в салон! – заорал Вяземский, увидав жену.

Лялечка насторожилась: никогда еще Игорь не говорил с супругой в подобном тоне.

– Что случилось? – спросила она.

– Уходи! – затопал ногами Игорь.

Но Ляля приблизилась к мужу, оглядела пустое шоссе и вскрикнула. Чуть поодаль стоял грузовик, набитый строительными отходами, очевидно, его водителем был тот самый мужик в комбинезоне, твердивший сейчас, как попугай, одну фразу:

– Не уезжай, не уезжай, скажи ментам правду, он в темноте пробежал, здесь перехода нет, я не виноват!

Лялечка скосила взор влево и зажала рот рукой: сбоку от машины с обломками кирпичей лежало тело, облаченное в серо-черную куртку. Отчего-то сбитый человек оказался босым, его ботинки были раскиданы по трассе.

– Мама... – прошептала Ляля и потеряла сознание.

Глава 3

И снова к Игорю не было претензий, он просто оказался свидетелем наезда. Погибший был гастарбайтером без каких-либо документов, в кармане у несчастного обнаружилась лишь сторублевая купюра, наверное, парень бежал в магазин за водкой, не заметил вынырнувшего грузовика и оказался под колесами. Хорошо еще, что Вяземский успел экстренно затормозить, иначе б ему пришлось туго: доказывай потом, что пешеход уже умер, когда на него наехали колеса «Мерседеса». Но Игорь умелый водитель, избежал наезда.

Не успел Вяземский оправиться от стресса, как произошла очередная напасть. Игорь решил купить себе новые ботинки и зашел в магазин. Продавцы хорошо знают бизнесмена: Игорь любит дорогую обувь и часто приобретает по пять-шесть пар за один раз.

Увидав выгодного клиента, продавщица Леночка со всех ног рванула к двери. Игорю нравилась хорошенькая, услужливая девочка, и, надумав сменить ботинки, Вяземский всегда спрашивал:

– А где Лена? Пусть она меня обслужит, размер мой знает и понимает, что предложить надо.

Когда Игорь вошел в магазин, Лена загадочно улыбнулась и ткнула хорошенькой ручкой в пирамиду коробок, висившую у одного из диванчиков.

– Вот, я уже приготовила все самое интересное, – заговорщицки сообщила она.

– И как только догадалась, что я приду? – удивился Игорь.

– У меня с постоянными клиентами, в особенности с теми, кто, как вы, всегда большие чаевые оставляет, телепатическая связь, – шепнула Лена. – Пришла сегодня на работу и почувяла: ровно в девятнадцать ноль-ноль Игорь Андреевич приедет. Вот зараза, поставлена же табличка: «Только для VIP-посетителей».

Последняя фраза относилась к женщине неопределенных лет, которая, не обратив внимания на то, что диван украшен объявлением, уселась на кожаную подушку и громко заявила:

– Мне сапоги, самые дешевые! С искусственным мехом! Не понимаю людей, которые носят шкуры убитых животных.

– Ну и пакость, – зашипела Лена. – Знаете, почему она «зеленой» прикидывается?

– Нет, – машинально ответил Игорь.

– Три рубля в кошельке имеет, – язвительно продолжила Лена, – знаем таких. Припрутся в элитную точку, все перемеряют, а потом губы надуют и процедят: «Тут у вас сплошное дерьмо, и вообще мне совесть не позволяет такие изделия покупать. Я защитница живой природы». Только на самом деле у нее денег нет. Ну не нахалка ли! Плюхнулась на виковский диванчик, словно приличная, ща ей мало не покажется!

С самым мрачным выражением лица продавщица направились было в сторону нежелательной покупательницы, но Игорь удержал разгневанную девушку:

– Лена! Ты же воспитанный человек! Не трогай женщину!

– Ага! Это диван для виков!

– Фу, какая ерунда!

– Вам сесть негде.

– Места полно, рядом устроюсь.

– С этой бабищей?

– Почему бы нет?

– Еще не хватало!

– Лена, не блажи, – покачал головой Игорь и, спокойно сев около покупательницы, начал примерять обувь.

Но продавщица все никак не могла успокоиться.

- Нечего «ложечку» хватать! – рявкнула она.
- Вы мне? – выпучила глаза неугодная посетительница.
- Тебе!
- С ума сошла! С какой стати мне «тыкаешь»?
- А фигли на виповское место плюхнулась? Этот диван для постоянных покупателей.
- Да ну? И где объявление?
- У тебя за жирной спиной!
- Нахалка!
- Сама такая, сто сапог перешупала, да ни один не купишь и уйдешь!
- Вот это верно, – окончательно разъярилась тетка, – не стану брать обувь у хамов, позови старшего менеджера.

Стремительно разгорелся скандал, в который оказались втянуты все продавцы, дружно вставшие на защиту Лены.

– Конечно, Елена проявила бестактность, обратившись к вам на «ты», – заявил администратор бабе, – но в нашей торговой точке два зала: один для всех, другой для избранных, вы прошли на половину для элитных клиентов, мы не сделали вам замечания, так как магазин был пуст, но сейчас пришел уважаемый человек.

- А я кто? – завизжала тетка. – Мартышка?
- Верно, – не утерпела Лена, – она самая и есть.
- Чтоб тебе никогда замуж не выйти! – рявкнула баба.
- Да хоть сдохни, жаба, я уже давно жена, – отбила мяч Лена. – Можешь тут вся скорчиться и посинеть!

Не успела продавщица договорить до конца, как тетка замерла с открытым ртом, потом поднесла руки к горлу, захрипела и рухнула на пол, лицом вниз, прямо к ногам страшно недовольного ссорой Игоря.

Продавщицы завизжали, менеджер бросился вызывать «Скорую», врачи приехали на удивление быстро, но помочь несчастной не успели, та умерла сразу.

– Наверное, тромб оторвался, – предположил врач, – вы там в сумке поройтесь, может, документы есть, родным позвонить надо.

Но у несчастной в кошелке было пусто, на дне лежала лишь сломанная расческа и пачка бумажных носовых платков. Лена, не считавшая посетительницу покупательницей, оказалась права: денег у той на приобретение даже самых дешевых тапок не имелось.

Игорь снова оказался в свидетелях. По странному стечению обстоятельств все несчастные случаи произошли на территории, подведомственной одному отделению милиции. Офис Вяземского находился около его дома, гастарбайтер бежал от стройки, расположенной в паре сотен метров от жилья Игоря, а магазин торговал на первом этаже элитной многоэтажки, возведенной впритык к дому Вяземских. И каждый раз Игоря допрашивали одни и те же менты.

Когда речь шла об упавшей с балкона девице, следователь проявил сочувствие, он без конца повторял:

– Не волнуйтесь, хотя я понимаю, что сохранить спокойствие в такой ситуации непросто. Очень неприятно стать свидетелем подобного зрелища.

Увидав Игоря во второй раз, милиционер вытаращил глаза.

– Надо же, как вам не везет! – воскликнул он.

Но в третий раз все тот же сотрудник ляпнул:

– Однако, Игорь Андреевич, не хотел бы я жить около вас!

– Почему? – нервно поинтересовался Вяземский.

– Похоже, вы приносите несчастье, – каркнул дурак в форме. – Где ни окажетесь, тут же покойники появляются, вы просто санитар леса, все умершие без документов, похоже, нелегально прибывшие в столицу граждане.

Другой человек стукнул бы кулаком по столу и наорал на глупого лейтенанта, позволившего себе столь наглые речи, но Игорь неожиданно согласился:

– Похоже, вы правы.

И снова к Вяземскому не было претензий, никто не собирался обвинять его в смерти женщины, но Игорь неожиданно впал в настоящую депрессию. Он отказался выходить из дома, чернее тучи лег в кровать, повернулся лицом к стене и на все вопросы встревоженной Ляли сначала вяло отвечал: «Отстань, у меня болит голова», а потом и вовсе замолчал.

Перепуганная жена бросилась вызывать врачей, и очень скоро Игорю поставили диагноз: депрессия. Вяземского начали усиленно лечить, по утрам Ляля впихивала в мужа пригоршни разноцветных таблеток и капсул, Игорь, однако, не становился веселее и общительнее. Он запил, спал целыми днями, отказывался от еды и поэтому сильно похудел. Иногда Игорь вдруг ни с того ни с сего спрашивал:

– Ляля, у тебя ничего не болит?

– Все в порядке, – спешила заверить его супруга.

– Хорошо, – мямлил муж, – а то и впрямь страшно, я ведь приношу несчастье! Таким, как я, лучше не жить!

Напуганная Ляля старалась не оставлять мужа в одиночестве, но сидеть день-деньской у кровати пусть даже и очень любимого человека невозможно. Жена иногда уходила в магазин, но тогда с Игорем оставалась Зоя. Но не зря говорят: если человек на самом деле задумал самоубийство, он обманет всех и лишит себя жизни. Те, кто демонстративно, на глазах у окружающих, хватается за таблетки или веревку, на самом деле шантажисты, которые лишь хотят попугать родственников.

Игорь не принадлежал к этой, весьма распространенной, человеческой породе. Решившись покинуть этот мир, он резко изменил свое поведение, повеселел, начал общаться с Лялей и Зоей, прекратил голодать. Жена радовалась, словно ребенок: слава богу, таблетки помогли!

Увы, плохо знакомая с такими науками, как психология и психиатрия, Ляля совершила огромную ошибку. Внезапное, очень резкое изменение поведения больного человека должно насторожить окружающих. Но людям свойственно тревожиться только в том случае, когда родственник впадает в уныние и отпихивает от себя тарелку с котлетами. А вот если он становится беспричинно весел и не отказывается от пищи, близкие облегченно вздыхают и тут же делают вывод: ура, наш-то выздоравливает!

Спору нет, проснувшийся аппетит и украсившая лицо улыбка часто говорят о начале положительных процессов в организме. Но случается подчас и иначе. Человек принял страшное решение и теперь просто ждет момента для его осуществления. Метания и мучения закончены, выбор совершен, предстоит сделать последний, роковой шаг.

Но Лялечка и Зоя в тонкостях людской психики не разбирались, поэтому, когда после недели нормального поведения Игорь утром заявил: «Поеду в офис, погляжу, как там без меня рулят», жена радостно закивала: «Конечно, принимайся за работу».

Ни у Ляли, ни у Зои ничто не дрогнуло в душе, когда Игорь, сев в машину, весело помахал им рукой.

– Прощайте! – крикнул он.

– Пока, милый, – ответила Ляля, которую совершенно не насторожило слово «прощайте». – Сейчас сбегая на рынок за телятиной, запеку ее в духовке на ужин.

Внезапно Игорь скривился:

– Лучше испеки блины!

– Что? – удивилась Ляля. – Ты же их терпеть не можешь...

– А вот сейчас захотелось, – ответил муж.

– Ладно, – согласилась Ляля. – Все равно за телятиной идти, или ты не хочешь блинчиков с мясом?

– Сказал же, пеки блины, – неожиданно рассердился Игорь.

И снова Ляля не насторожилась.

– Хорошо, – покорно отозвалась она, – как скажешь.

Жена и впрямь напекла блинов, по неопытности навела слишком много теста и получила целую гору желтых кругляшков, не слишком тонких, совсем не «кружевных». Первые блины у нее вышли не комом, а подушками.

Около девяти вечера Ляля звякнула Игорю на мобильный и услышала равнодушный ответ:

– Абонент временно недоступен.

Две следующие попытки тоже оказались неудачными, но Ляля не заволновалась. Игорь довольно долго болел, ясное дело, сейчас он распекает подчиненных, лично разгребает завалы из бумаг.

Зевая, Ляля пошла в ванную, помылась, надела халат, полезла в карман, чтобы вынуть оттуда пояс от него, и обнаружила письмо.

Удивившись, Ляля развернула бумажку:

«Дорогая, я очень благодарен тебе за счастливое время, проведенное вместе. Мне хотелось опекать, оберегать тебя от трудностей, расшвырять всех, кто задумал обидеть мою жену. Но получилось так, что основная опасность для тебя и мамы исходит от меня. Я приношу несчастье и сею смерть. Не плачь, решение уйти из жизни я принял в здравом уме и твердой памяти. Особо не переживай, через некоторое время выходи замуж за хорошего человека, а я с небес стану опекать тебя. Прощай, твой Игорь».

Ляля перечитала послание пять или шесть раз, пока до нее дошел его смысл.

– Мама! – заорала она, бросаясь на кухню. – Мамочка!

– Господи, Ляля, – с укоризной воскликнула Зоя. – Ну с какой стати ты кричишь сиреной? Ну вот, я уронила блин на пол! Ты неэкономна! В кастрюле осталось еще тесто, его следует использовать. Хотя зачем ты столько опары замесила? На полк солдат!

– Господи, – выдохнула Ляля, – вот почему он блины просил: их всегда на поминки пекут!

– Типун тебе на язык, – укорила Зоя, – у нас все живы и умирать не собираются.

Ляля молча протянула Зое письмо, та взяла его.

– Это что?

– Читай, – одними губами ответила Ляля и услышала бодрую трель телефона.

Ляля схватила трубку.

– Ольга Ивановна Вяземская? – спросил вежливый официально-равнодушный голос.

– Да! – воскликнула Ляля. – Нашли тело?

– Вам уже сообщили о несчастье? – не сумел сдержать удивление милиционер.

В эту секунду за спиной молодой женщины раздался грохот. Зоя, дочитав до конца предсмертную записку Игоря, упала в обморок; лишаясь чувств, она задела рукой тарелку с горой блинов, и теперь вся кухня была усеяна неровно пожаренными кусками теста.

Глава 4

Ляля замолчала.

– Да, именно так все и случилось, – нервно подхватила Зоя. – Как выяснилось потом, Игорек принял огромную дозу успокаивающих таблеток и прыгнул в воду с высокого обрыва в районе деревни Малкино. Машину он оставил на берегу вместе с ключами и документами, там же лежали его часы, телефон, кошелек. Странное дело, никто не тронул иномарку, на нее обратил внимание местный батюшка, он и сообщил в милицию. Игорь кинулся в реку одетым, снял почему-то только ботинки, они лежали на берегу, он придавил их камнем, под бумажником еще имелась нацарапанная наспех записка: «В моей смерти прошу никого не винить, я сам решил уйти из жизни».

– Понимаете? – нервно перебила Зою Ляля. – Ясно, да?

– Пока не очень, – спокойно ответила Нора. – Хотя, погодите, вы считаете, что Игоря убили?

– Нет, – хором ответили женщины.

– Записки были написаны его рукой, – добавила Ляля.

– Никаких сомнений, – кивнула Зоя. – И потом, сын тщательно подготовился к самоубийству!

– Простите, – весьма бесцеремонно влез я в беседу, – какой сын?

– Мой, – удивленно ответила Зоя, – Игорь. Мы же о нем все это время говорим.

– Так Игорь вам не зять? – уточнила Нора.

– Нет, конечно, – пожала плечами Зоя.

– Но Ляля зовет вас матерью.

– И что тут странного? – заморгала Зоя.

– Она мне ближе мамы, – неожиданно с пылом воскликнула Ляля, – самая любимая!

Слезы побежали по щеке вдовы, Зоя обняла невестку.

– Успокойся, я с тобой.

– Так в чем ваша проблема?! – воскликнула Нора. – Думаете, Игоря убили, инсценировав суицид?

Зоя вытащила из сумки носовой платок и, аккуратно промокая глаза, тихо сказала:

– Ну и ерунда пришла вам в голову! Кто же будет убивать Игорька?!

– Он святой! – воскликнула Ляля.

– Ни с кем не ругался, – добавила Зоя.

– Его любили все.

– Даже конкуренты по бизнесу, – сказала Ляля.

– У сына не было недоброжелателей, – добавила Зоя. – Он честно вел дело, поднялся с нуля. Ему пришлось многое пережить, пока он встал на ноги.

Я молча слушал Зою, самые предвзятые свидетели – это любящие женщины, они весьма оригинально трактуют события, я сильно сомневаюсь, что за всю жизнь Вяземский не нажил себе врагов или, по крайней мере, недругов.

– Простите, – вежливо, но твердо заявила Нора, – мне пока неясна цель вашего визита. Если в смерти Игоря нет ничего криминального, то в чем проблема? Что привело вас в агентство «Ниро»?

Зоя глубоко вздохнула.

– Извините, я нервничаю и поэтому разговариваю сумбурно. Вы должны найти Игоря и попросить его более не приходить, потому что мне после рассказа Лялечки очень страшно.

– И мне, – призналась Ляля, – просто оторопь берет.

– Игорь, наверное, хочет нам помочь!

– Но лучше не надо, – поежилась Ляля, – у мамы после моего сообщения начинается бешеная тахикардия.

– А Лялечка плачет каждую ночь, не идет в спальню, сидит в гостиной, – горестно приговорила Зоя.

Я чувствовал себя участником пьесы абсурда. Нора тряхнула головой и повысила голос:

– Игорь мертв? Я правильно поняла вас?

– Да, – в едином порыве подтвердили посетительницы.

– Каким же образом я могу поговорить с ним?

– Ну... не знаю, – протянула Ляля. – Осмотрите шкаф в гостиной, он отчего-то именно у телевизора стоит.

– Гардероб? – ошарашенно уточнил я.

– Нет, Игорек, – откликнулась Ляля. – Прямо мороз по коже пробирает, когда дверца открывается!

– Извините, конечно, – замялся я, – понимаю, что своим вопросом я могу причинить вам боль, но... э... э... еще раз простите, вы видели тело в гробу?

– Да, – тихо ответила Зоя, – ужасное зрелище, надеюсь, вам никогда не придется пережить то, что испытала я. Поверьте, смерть ребенка – огромный удар.

– Верно, – шепотом добавила Ляля, – мамочка, не нервничай, хочешь воды? Тебе-то досталось больше всех!

– Нет, – возразила Зоя, – все нормально!

Нора выпрямила спину.

– Суммируя полученную от вас информацию, я понимаю ситуацию так. Господин Вяземский, ощущая психологический дискомфорт, покончил жизнь самоубийством, а потом, став привидением, начал пугать родственников, появляясь в квартире, так?

– Верно, – поежилась Зоя.

– Вы хотите, чтобы я объяснила выходцу с того света абсурдность его поведения?

– Вот, мамочка, – радостно воскликнула Ляля, – не зря Элеонору так хвалят, она, в отличие от многих, сразу поняла суть дела!

Потом вдова повернулась к Норе и пояснила:

– Мама уже была в нескольких местах и везде слышала один ответ: обратитесь к психиатру.

Я протяжно вздохнул: а что можно еще посоветовать двум явно ненормальным дамам?

– Я бы предложила другое, – очень ласково сказала Нора. – Ступайте к церковнослужителям – общение с мертвыми их прерогатива. Мне с такой проблемой не справиться!

Посетительницы переглянулись.

– Пойдем, мама, – приподнялась со стула Ляля.

– Мы уже заказывали всякие заупокойные службы, – упрямо ответила Зоя, – и ничего! Господи, как у меня голова болит!

– Может, таблетку? – предложил я.

– Лялечка, – ласково попросила Зоя, – спустись в машину, принеси из аптечки лекарство от давления, опять небось зашкалило!

Невестка всплеснула руками и кинулась в коридор, нас осталось в кабинете трое.

– Понимаю, что вы считаете нас потенциальными клиентами психушки, – воскликнула Зоя.

– Что вы! – лицемерно возмутился я. – Вовсе нет!

– Не врите! – рявкнула Зоя. – Спасибо, хоть санитаров не вызвали.

– Я ничем вам не помогу, – спокойно ответила Нора.

– Заплачу, сколько попросите, – дернулась Зоя.

Нора нахмурилась:

– Мне нет нужды зарабатывать на кусок хлеба любой ценой, я берусь лишь за те дела, с которыми могу справиться. Мы с Иваном Павловичем сумели размотать много запутанных клубков, но в вашем случае наше умение ни к чему. Вы зря ходите по традиционным детективным агентствам, сыщики, как правило, грубые материалисты, знающие, что все непонятное имеет вполне реальные корни. Ясное дело, вас принимают за клиентов Кашенко. Ступайте к экстрасенсам, поищите в газетах объявления типа: «Выстраиваю мост общения с покойным». Вот такой специалист воспримет вашу беду всерьез.

Зоя кашлянула.

– Вы неправильно поняли проблему, я намеренно попросила Лялю сходить в машину, чтобы иметь возможность поговорить без девочки. Лялечка мне роднее дочери, так уж вышло, она до невероятности похожа на Верочку. У Игоря была сестра, которая умерла в детском возрасте. Вера прожила на свете всего ничего, скончалась в муках...

На лице Норы появилось выражение откровенной жалости, я тоже испытал сочувствие к Зое. Надо же, какой иногда судьба оказывается несправедливой, у Зои умерло двое детей, право, ужасно.

– Когда Игорек привел ко мне в дом Лялечку, – спокойно продолжала Зоя, – я сразу поняла, отчего среди армии влюбленных в моего красавца-сына девушек он выбрал Лялю. Чего скрывать, Лялечка не отличается ни эффектной внешностью, ни редкостным умом, не было у нее и влиятельных богатых родственников. Ляля просто обладает фотографическим сходством с Верой, я обомлела, увидав девушку. В прихожей стояла моя умершая дочь: глаза, улыбка, волосы... Если бы Вера дожила до девятнадцати лет, она выглядела бы точно так же. Вот почему Игорь полюбил Лялечку, у сына было стойкое чувство вины перед Верочкой. Но эта история вам неинтересна, скажу лишь, что Игорек считал себя виновником гибели Веры, но это не соответствовало действительности, сыну было свойственно драматизировать события. В его предсмертной записке имелась фраза, которую деликатная Ляля сейчас не озвучила. «Я хотел защищать тебя от всех, но получается, что правда может убить маму, как Веру». Чем больше я размышляю над произошедшим, тем яснее понимаю – у Игоря, очевидно, имелись психологические проблемы, с которыми он самостоятельно справиться не мог. Комплекс все-ленской вины. Но сейчас речь идет не о моем несчастном сыне, а о Лялечке. Ей очень плохо, помогите нам.

– Каким образом? – резко поинтересовалась Нора.

– Последнее время Ляля стала вбегать по утрам в мою спальню с лицом, залитым слезами, – вздохнула Зоя. – Бросается на кровать, дрожит и говорит одну и ту же фразу: «Игорь приходил, улыбался, кивал, манил меня рукой. Мама, мне страшно». Лично я привидение не видела ни разу и хорошо поняла – у Ляли беда с головой.

Зоя пыталась образумить невестку, возила ее на могилу, водила в церковь, даже вынула из конверта фотографии, сделанные на похоронах, но Лялечка пребывала в полной уверенности: муж является к ней с того света.

– Понимаю, он умер, – соглашалась она, – но теперь превратился в призрак.

– Думаю, вам следует показать невестку знающему психиатру, – упорно повторила Нора.

Зоя махнула рукой:

– Уже были! Прописывают таблетки, от которых она впадает в ступор, сидит или лежит молча несколько часов, а потом бьется в истерику, плачет, кричит.

– Может, психотерапевт справится с бедой? – предположил я.

– Вот! – воскликнула Зоя. – В самую точку. Мне посоветовали отличного специалиста, который сделал интересное предложение. Лялечка, по его мнению, и впрямь видит покойного Игоря, она ничего не придумывает, это результат самовнушения, сложный конгломерат самых разных чувств. Ляля обожала Игоря, буквально обожествляла его, все, что делал мой сын, казалось ей правильным, необыкновенно умным, потрясающим. Она ни разу не проронила в

адрес Игоря слова критики, не упрекнула его, просто растворилась в муже, стала его работой физически и морально.

Похоронив Игоря, жена начала страдать и мечтала хоть бы на пять минуток увидеть любимого, услышать от него словечко.

Лучшим проведением досуга для Ляли стало разглядывание фотографий из прошлой, счастливой семейной жизни, вдова беседовала с погибшим, как с живым, готовила его любимые блюда, стирала рубашки мужа, в общем, вела себя так, словно Игорек просто уехал в командировку.

– Сочувствую вам, – пробормотала Нора.

– Тяжелое испытание, – кивнула Зоя, – но психотерапевт велел ни в коем случае не спорить с Лялочкой, не противоречить ей, не говорить: «Окстись, Игорь давно в могиле». Врач предложил иную линию поведения. Человека, который «видит» покойного, переубедить при помощи логики невозможно. Верующие люди, к которым во время молитвы являются святые, готовы сгореть на костре, повторяя: «Я разговаривал с апостолом». И, как это ни странно, они вас не обманывают, правда видят тех, в кого искренне верят. То же самое случилось и с Лялей. Есть лишь один способ попытаться вернуть вдову к нормальной жизни и избавить ее от видений.

Зоя закашлялась, потом продолжила:

– Вот если Игорь, возникший в гостинной, спокойно скажет жене: «Лялочка, прощай, я больше не приду, живи полноценной жизнью, работай, выйди еще раз замуж, роди ребенка, я на небесах буду рад узнать о твоём счастье», – вот тогда Ляля вынырнет из пучины горя – она всегда слушалась Игоря – и выполнит его последнюю волю.

– Может, это и правильное предложение, – согласилась Нора, – но тот психотерапевт не объяснил вам случайно, каким образом заставить призрак произнести такую речь?

Зоя сложила руки на груди.

– Никаких потусторонних явлений нет. Игорь лежит в могиле, вернее, его пепел покоем в урне. Земля к земле, прах к праху. Лялочка видит супруга воображением.

– Я это поняла! – нервно воскликнула Нора. – Неясно иное: чем я могу помочь вам?

Зоя тряхнула аккуратно уложенными волосами.

– Ваш помощник спрячется у нас в гостинной. Иван Павлович слегка похож на Игоря, тот же рост, худощавая фигура. Впрочем, Ляля не заметит подробностей. Пусть господин Подушкин, одетый в костюм Игоря, высунется из гардероба и скажет нужный текст.

– Увольте! – воскликнул я. – Право, это идиотская идея.

– Это единственный путь спасения Ляли, – торжественно возвестила Зоя, – иначе она погибнет.

– Лучше наймите безработного артиста, – отбивался я, – сходите на биржу, там полно лицедеёв, нуждающихся в заработке.

Зоя презрительно опустила вниз уголки рта.

– Актёришки болтливы, к тому же Ляля тесно связана с миром кулис, она, на беду, несмотря на техническое образование, работает в одном из театральных агентств. Слухи в артистической среде распространяются со скоростью звука. Я заядлая театралка, Игорь тоже обожал посещать спектакли, мы часто ходили на всяческие представления, старались не пропускать премьеры, шли за кулисы, я знакома с очень многими исполнителями... Ситуация понятна?

– Более чем, – кивнула Нора.

– О вас говорят как о людях, которые способны держать язык за зубами, – продолжала Зоя.

– Не умей мы этого, растеряли бы всех клиентов, – хмуро отозвалась Нора.

– Помогите нам, – тихо закончила Зоя, – на вас последняя надежда, иначе Ляле грозит больница, долго она так не выдержит.

– Я совсем не обладаю актерскими способностями, – быстро сказал я.

– Заплачу, сколько попросите, – перебила меня Зоя, – умоляю, хотите, стану перед вами на колени?

С этими словами дама сползла на пол и замерла на дорогом ковре. Я охнул и кинулся поднимать посетительницу, Зоя вцепилась мне в предплечье:

– Дорогой Иван Павлович, спасите Лялечку, она не ест, не пьет.

Я хотел было силой поднять мать Игоря, но тут по щеке Зои потекла слезинка.

Тот, кто не первый раз встречается со мной, очень хорошо знает: я органически не переношу вида рыдающих женщин и готов сделать все, чтобы купировать плач. Кое-кто из милых дам вовсю пользуется своим даром наполнять глаза влагой, желая заставить господина Подушкина либо раскошелиться, либо прогнуться под себя. Я в большинстве случаев понимаю, что являюсь объектом манипулирования, но ничего с собой поделать не могу. Вот и сейчас язык помимо моей воли заявил:

– Пожалуйста, успокойтесь, я выполню вашу просьбу.

Глава 5

– Какого черта ты подписался на эту идиотскую затею! – сердито воскликнула Нора, когда я, проводив Зою и вернувшуюся с лекарством Лялю до лифта, вновь вошел в кабинет.

– Сам не пойму, – ответил я чистую правду.

– Бред, – кипятилась Нора.

– Ерунда, – попытался я успокоить хозяйку, – это совсем даже не трудно. Сегодня вечером, около полуночи, Зоя впустит меня тайком в свою квартиру. Время выбрано не случайно: Ляля обычно в двадцать три сорок пять, посмотрев свою любимую передачу, идет принимать ванну. Пока невестка моется, свекровь проведет меня в комнату и посадит в шкаф. Моя задача – выйти из гардероба в тот момент, когда женщины станут пить на ночь отвар ромашки, это у них стандартный ритуал перед сном.

Я произнесу заготовленный спич, Ляля, очевидно, впадет в истерику, зарыдает, но рядом будет Зоя, которая позаботится о невестке, не даст ей кинуться ко мне и в конце концов, уже после того, как я благополучно ускользну за дверь, скажет:

– Я тоже видела Игоря и слышала, как он велел тебе себя вести.

По мнению психотерапевта, такое происшествие непременно вправит мозги Ляле, вдова придет в себя и поймет, что место мертвого в могиле, нельзя умирать вместе с покойным, даже если любишь его больше собственной жизни.

– Ох, не нравится мне эта затея, – с сомнением покачала головой Нора, – а если Ляля потеряет сознание и не услышит твою речь?

Я призадумался.

– Ну, подобное маловероятно, вдова ведь не первый раз увидит «мужа», в виде призрака вряд ли я испугаю ее.

– Думаешь, Ляля окончательная дура и не узнает в тебе детектива?

– Зоя предложила мне надеть бейсболку Игоря с большим, закрывающим лицо козырьком. В гостиной будет полумрак, верхний свет погасят, только на столе останется гореть лампа, – терпеливо пояснил я. – Фигура «мужа» очутится в тени.

– Голос! Уж, наверное, Ляля помнит тембр Игоря.

– Я буду изъясняться шепотом, чуть растягивая гласные. Зоя сообщила мне, что Игорь в минуты нежности называл жену «кабанчик». Если я обращусь к Ляле со словами: «Дорогой кабанчик, спокойно выслушай и выполни мой приказ», – вдова подумает, что перед ней муж! Ну кто еще в курсе интимной клички? Она никому не известна!

– Откуда Зоя знает про кабанчика? – продолжала допрос Нора.

– Понятия не имею, – развел я руками, – этого она мне не объяснила. Думаю, если люди живут вместе, то рано или поздно между ними не остается тайн и секретов, в какой-то момент расслабляешься, и домашние узнают все.

– Может, оно и так, – нехотя кивнула Нора. – Ваня, не ездь к Вяземским!

– Никак не могу нарушить данное слово, – мягко ответил я, – уже дал его.

– Ты хозяин своего слова, – ухмыльнулась Нора, – сначала дал, потом взял обратно, обычное дело.

– Простите, – осторожно ответил я, – понимаю, что как секретарь я обязан подчиняться приказам хозяйки, но в данном конкретном случае речь идет о полуночи, действие развернется в мое свободное время, впрочем, можете вычесть из моей зарплаты за этот день.

Нора присвистнула:

– Экий ты, Ваня, гордец! Никто тобой не помыкает, просто я даю совет. Извини, у меня стойкое ощущение: добром эта история не закончится, случится беда.

Я постарался сохранить на лице выражение почтительности. Мой приятель Макс постоянно повторяет:

– Выслушай, что советует женщина, и поступи наоборот. Только не спорь, не произноси: «Дура, ты ничего не понимаешь», просто кивни и делай, что считаешь нужным. Ввяжешься в спор – потеряешь кучу нервных клеток.

– Верно люди говорят, – усмехнулась Нора, – своего ума в чужую башку не вложить. Ты, Ваня, в принципе прав. В свободное от работы время служащий имеет право вести себя как угодно. Успеха тебе в нелегком деле изображения привидения. Только лично я никогда бы не ввязалась в подобную историю. Ступай, Ваня, мне надо заняться счетами.

Я кивнул и пошел в свою спальню. Вроде Нора не советует мне помогать Зое из благих намерений, только моя хозяйка сейчас кривит душой: ей просто не по вкусу, что старшая Вяземская попросила участвовать в спектакле меня, проигнорировав Элеонору. Нора вляпывалась в куда более опасные ситуации, ей постоянно необходим выброс адреналина, хозяйка неразумна и бесшабашна. И сегодня она надулась, словно пятилетняя девочка, сообразившая, что братика позвали в гости без сестрички.

В указанное время я очутился возле стальной двери, украшенной декоративной накладкой из красного дерева. Вяземские жили на последнем, пятом, этаже старого московского дома. Наверное, раньше, в советские годы, тут были сплошняком коммунальные квартиры, но сейчас на каждой лестничной клетке была одна шикарная дверь, а ступеньки застланы красной ковровой дорожкой.

Консьержки в подъезде не нашлось, письменный стол и стул возле почтовых ящиков оказались пусты. Впрочем, Зоя, когда мы с ней разрабатывали во время телефонного разговора план, предупредила меня:

– Охраны не будет, войдете в парадное беспрепятственно.

Я не стал удивляться и уточнять, куда же подеваются секьюрити, мне хватило заявления о свободном входе. И вот я уже маюсь у стены.

Послышался тихий скрип, высунулась Зоя.

– Не опоздали! – шепотом констатировала она.

– Ясное дело, нет, – так же тихо отозвался я.

– Входите.

– Да, да.

– Извините, я в халате.

– Конечно, вы же дома, – закивал я.

– Тсс, – прижала палец к губам Зоя, – сюда, налево, теперь прямо.

Через пару секунд меня втокнули в просторное помещение, тесно заставленное мебелью, в комнате царил полумрак, люстра не горела, лишь на круглом обеденном столе мерцала лампа под абажуром нежно-розового цвета, она отбрасывала круг света на чайник, чашки и серебряную сахарницу. В углу у окна стоял незажженный торшер.

– Вон туда, – ткнула пальцем Зоя в сторону огромного дубового гардероба. – Держите бейсболку. Текст помните?

– Да, – ответил я.

– Главное, упирайте на необходимость вести полноценную жизнь.

– Хорошо.

– Выйти замуж, родить ребенка.

– Ладно.

– Пусть прекратит каждый день ездить на кладбище.

– Понял.

– Незачем рыдать с утра до ночи.

– Ясно.

– Мама, – послышалось из коридора, – я халат забыла, сделай одолжение, принеси, он в спальне на кровати лежит.

– Ну, чего замерли? – прошипела Зоя. – Ляля сейчас выйдет, живо полезайте! Иду, дорогая, не стой голая, посиди пока в ванной.

Последняя фраза явно относилась не ко мне, я глубоко вздохнул и нырнул в нутро пахнущего лавандой шкафа, предусмотрительно не закрыв до конца дубовую дверцу.

В узкую щель было хорошо видно стол.

– Может, выпить черного чая? – устало спросила Ляля, усаживаясь на стул.

– Нет-нет, – возразил голос Зои, – у тебя будет бессонница.

– Все равно до утра не сомкну глаз, – парировала Ляля и распахнула халат.

– Немедленно прикройся, – резко велела свекровь.

– Почему? – удивилась Ляля. – Мне жарко! Сниму-ка я вообще эту махру, посижу в трусиках.

– Нет!!! – почти заорала Зоя.

– Чего ты так разволновалась?

– Еще простудишься!

– У нас тепло.

– Запахнись. Неприлично обнажаться в гостиной.

Ляля засмеялась:

– Да мы с тобой друг друга никогда не стеснялись, что сегодня-то произошло?

– Ну, – замялась Зоя, – мы не одни!

– А кто еще здесь? – подскочила невестка и моментально прикрыла обнаженную грудь не слишком безупречной формы.

Зоя, поняв, что сморозила глупость, начала выкручиваться.

– Ну... э... Игорь... мне кажется, он тут... присутствует... да... именно так.

Ляля грустно усмехнулась:

– Ну, мне нечего смущаться мужа.

– Он рядом, – торжественно возвестила Зоя. – Игорек, думаю, не ошибаюсь, ты ведь в шкафу? Отвечай!

– Мама, – укоризненно покачала головой Ляля, – похоже, ты решила надо мной...

Тут я сообразил, что пора начинать спектакль, и, распахнув дверцу, прогудел низким шепотом:

– Здравствуйте.

– Ой, – взвизгнула Ляля, – это кто?

– Я, Игорь.

– Кто?

– Я.

– Ты?

– Да.

– Где?

– Тут, – я старался изо всех сил придать сцене правдивость, – выхожу наружу, чтобы сказать...

– В шкафу? – обморочным голосом прервала меня Ляля. – В шкафу??? Но там тебя не может быть!

В голосе вдовы зазвучало невероятное удивление, потом она вдруг взвизгнула:

– Мама! Смотри, он тут!

– Где? – свистящим шепотом поинтересовалась Зоя.

К сожалению, я не видел матери Игоря, лишь слышал ее голос, в котором плескался самый настоящий ужас. Я очень удивился и подумал, что Зоя не зря увлекается театром, в даме явно зарыт талант гениальной актрисы. Ведь она отлично знала, что в шкафу сижу абсолютно материальный, вполне живой я, и сумела изобразить откровенный страх. Не всякая лицедейка способна тоном передать переживания, чаще всего актрисы корчат гримасы, закатывают глаза, заламывают руки... У меня сложилось полное ощущение, что в реальной жизни, не на сцене, а, так сказать, в быту, кривляки ни разу не испытывали сильных чувств, никаких, ни любви, ни ревности, ни горя, ни отчаяния, вот поэтому-то и рвут картинно волосы, полагая, что именно так следует поступать в стрессовой ситуации. Но на самом деле ужас сковывает человека по рукам и ногам, на драматические жесты и патетические высказывания сил у вас не хватит. Из всех средств общения с себе подобными останется лишь голос, который изменится до неузнаваемости, и Зоя сейчас великолепно поняла это, право слово, в ней пропала Сара Бернар.

– Игорь... – протянула мать.

Я открыл дверцу и вышел наружу. Увы, я не обладаю нужными способностями трагика, хорошо хоть могу реально оценить свои возможности, и поэтому не начал сейчас вздымать руки вверх и быть замогильным басом. Нет, я просто раскрыл рот, кашлянул и выдавил из себя:

– Милая Лялочка!

– Мама! – взвизгнула вдова и повернулась в мою сторону. – Мама! Это он!

Я вздрогнул, ей-богу, не ожидал, что женщина столь испугается, Зоя уверяла меня, что невестка вроде как привыкла «встречаться» с Игорем и не станет впадать в ступор, просто выслушает напутствие мужа и беспрекословно выполнит его, но сейчас ситуация начинает развиваться совсем не так, как предполагалось! Ляля, похоже, испугана до крайности. Впрочем, и Зоя по непонятной причине испытывает оторопь.

Мать Игоря устала на меня, разинув рот. Учитывая то, что пару минут назад она лично привела в гостиную «привидение» и, вручив ему кепку, велела лезть в шкаф, такое потрясение дамы выглядело более чем странно. Хотя я уже убедился в актерских способностях хозяйки, наверное, сейчас она старается ради невестки.

– Это ты, – еле выдавила из себя Зоя, глядя на мою фигуру, – ты?

– Ну да, – ответил я.

– Кто? – не успокаивалась Зоя. – Назовись!

Я сначала растерялся, мы же договаривались вести себя иначе, но потом подумал, что Зоя по непонятной причине внесла в сценарий «пьесы» изменение, решил подыграть ей и, понизив голос до максимума, прогудел:

– Игорь! Я пришел к Ляле, хочу сказать: кабанчик...

– Нет, – вдруг заорала вдова, – нет! Сгинь! Уйди! Рассыпся! О-о-о! Нет, нет! Он же там! Там! Там! Мама, скажи, что около шкафа пусто. Ма-а-а-а!

Крик Лялочки, звенящий, словно натянутая струна, взметнулся вверх, в потолок, и закончился обрывками всхлипов. Зоя подняла тонкую белую руку, ткнула ею в сторону занавешенного тяжелыми портьерами окна и выдохнула:

– Игорец!

Я прищурился, взгляделся в полумрак гостиной и совершенно по-бабьи взвизгнул. На фоне портьер маячила высокая фигура, окруженная нежно-голубым свечением, так в плохих кинофильмах изображают оживших мертвецов: черное тело и каемка колеблющихся лучей, якобы аура. Неожиданно в голове промелькнула фраза, которую ехидная Нора частенько повторяет, наткнувшись на какую-нибудь передачу, посвященную паранормальным явлениям: «Требуйте долива кармы после отстоя чакры».

– А-а, – коротко выдохнула Зоя и рухнула на пол.

Ляля, зажмурившись, медленно осела около вдовы, я, перестав корчить из себя призрак, ринулся к вдове и схватил ее за плечи:

– Лялечка! Не бойся! Открой глаза!

Несчастливая женщина, не поднимая век, еле слышно протянула:

– Игоряша... я не виновата... я... я... не... не...

Тонкие горячие пальчики Ляли легли на мои руки, и в ту же секунду она завизжала:

– Вы не Игорь!

Черные ресницы взметнулись вверх, огромные бездонные глаза глянули на меня.

– Конечно, нет! – нервно воскликнул я. – Перед вами Иван Павлович Подушкин, секретарь Норы, владелицы частного детективного агентства «Ниро». Извините, право слово, вышло неловко, сейчас все объясню.

– Вы не Игорь, – пролепетала Ляля.

– Ваша свекровь, – начал было я, но тут вдова со скоростью ошпаренной кошки вскочила на ноги, бросилась к окну, раздвинула занавески и кинулась к лежащей Зое.

– Мама, – затрясла она женщину, – мама! Очнись! Ма-ама-а! О-о-о! Она молчит!!! И не дышит!

Вот тут мне стало по-настоящему страшно. Я пошел к стене, нащупал выключатель, нажал на клавишу, вспыхнула люстра, чей свет после мягкого полумрака показался невыносимо резким. У меня защипало глаза, пришлось на пару секунд зажмурить их. Когда же я снова обрел способность лицезреть окружающий мир, ситуация не изменилась.

На ковре, странно скрючившись, с неестественно вывернутой шеей, лежала Зоя, около нее стояла на коленях заливавшаяся слезами Ляля.

Одного взгляда, брошенного на мать Игоря, хватило мне, чтобы понять: женщина мертва.

Я понял, что ей уже ничем не помочь.

На ватных ногах я подобрался к Ляле и тихо сказал:

– Вам лучше уйти к себе.

– Да? – совершенно по-детски отозвалась Ляля. – Вы полагаете? Разве можно оставить маму? Смотрите, она заснула. Давайте перенесем Зою в спальню.

Я потряс головой. «Спокойно, Иван Павлович, ты мужчина, значит, не имеешь никакого права впадать в панику и голосить, словно торговка рыбой на базарной площади. Сейчас нужно взять себя в руки и попытаться справиться с ситуацией. Давай, дружок, вдохни, выдохни и попробуй оторвать от трупа Лялю».

– Зоя, очевидно, гипертоник, – воскликнул я, поднимая Лялю.

– Ну да, – кивнула та, – у нее случаются скачки давления, вчера, например, двести на сто двадцать намерили, пришлось «Скорую» вызывать.

– Вот и сейчас, – зачастил я, – Зое стало плохо, вновь криз случился. Ее не следует трогать, а вам необходимо лечь и вызвать врача.

– Мне доктор ни к чему! – с жаром воскликнула Ляля. – Маме нужно помочь в первую очередь!

– Конечно, конечно, – закивал я. – Ну-ка, скажите, где находится ваша спальня?

– Там, – слабо дернула головой Лялечка, – последняя дверь, извините, мне надо в туалет, меня тошнит, и очень кружится голова, а вы срочно позвоните врачу, телефон на кухне.

Глава 6

Через два часа по квартире Вяземских ходило несметное количество народа. Слава богу, Нора прибыла на место происшествия раньше милиции, а вот Макс опоздал, и мне до приезда друга пришлось отвечать на вопросы неприятно сурового парня, одетого в мятую футболку и грязные джинсы. Волосы у представителя правоохранительных органов сальными прядями прилипли к черепу, и пахло от юноши не лучшим образом.

Не следует упрекать меня в снобизме и с укоризной восклицать: «Хорошо тебе воротить нос, несчастный мент небось сутками пропадает на работе».

Может, оно и так, только, думается, некоторые люди просто грязнули. Приехавший Макс тоже служит в милиции и так же, как и его коллега, порой по несколько дней спит в кабинете. Но голова у Максима чистая, а в машине у него всегда имеются запасные вещи: свежая рубашка, чистые носки и выглаженные брюки. Просто так, на всякий случай.

Увидав моего ближайшего приятеля, члена родной «стаи», неряха моментально сменил гнев на милость и совсем другим тоном сказал:

– Иван Павлович, сделай одолжение, расскажи еще раз о случившемся.

Я покорно изложил историю, Макс почесал затылок:

– М-да!

– Между прочим, – донесся из-за двери голос Норы, – я просила его не участвовать в идиотской затее, но ведь нет! Упрямство нельзя причислить к добродетелям!

Макс крикнул, с жалостью глянул на меня и велел:

– Ступай на кухню, мы тут без тебя покалякаем.

Очень хорошо понимая, что события теперь будут развиваться помимо моей воли, я добрался до просторного овального помещения, заставленного шкафчиками, и рухнул на стул. В голове царил сумбур, потом туман слегка рассеялся, и я обрел способность мыслить.

Зоя, наверное, умерла от удара. Лялечка сказала, что свекровь являлась гипертоником. Если человек внезапно испытывает ужас, его давление резко повышается, кстати говоря, на этом принципе устроена работа детектора лжи. Механизм не умеет сопоставлять факты и вычислять ваши логические ошибки, он улавливает колебания частоты пульса, фиксирует перепады давления, а расшифровывающий запись человек видит: ага, на вопрос «Имеете ли высшее образование?» был дан ответ «Да», но в этот момент сердце опрашиваемого затряслось, словно хвост пуделя, увидевшего хозяина, а цифры артериального давления подскочили вверх. Все говорит о волнении. Ну почему невинный вопрос об учебе в институте столь взволновал испытуемого? Не иначе как у него фальшивый диплом.

Обмануть детектор лжи трудно, но можно, попытайтесь в момент опроса думать не о том, как скрыть информацию, а о чем-нибудь приятном типа булочек с маком, которые замечательно печет ваша маменька, или припомните проделки любой собаки, ужимки кошки, в общем, расслабьтесь. Если же полагаете, что перенести испытание не сумеете, найдите врача, который даст вам справку с диагнозом «мерцательная аритмия». В этом случае к вам не применяют полиграф¹.

Я потряс головой, опять меня унесло неведь куда на лихом коне раздумий. Зоя умерла от страха, шока, ужаса – называйте как хотите. Чего испугалась женщина? Меня? Естественно, нет, она ведь сама привела «призрак» в дом, ее до смерти, простите за идиотский каламбур, поразило светящееся существо, маячившее у занавески! Кто это? Игорь, выбравшийся из

---

¹ Полиграф – детектор лжи.

Аида?² Ум отказывался верить подобной версии, но глаза-то у меня зоркие, я отлично видел выходца с того света.

– Ну, ты как? – спросил Макс, входя на кухню.

– Ничего, – пожал я плечами.

– Ладно, – кивнул Воронов. – Павел тебя сейчас отпустит.

– Кто?

Макс кашлянул.

– Разве он не представился, когда начал беседовать с тобой? Павел Юркин.

– Ах да, – спохватился я, – он говорил, конечно, просто из головы вылетело. А что он тебе рассказывал?

Макс вытащил сигареты и начал пересказывать мне свою беседу с нерыхой. Не успел приятель замолчать, как зазвонил мой телефон, я вытащил трубку и буркнул:

– Слушаю.

– Нельзя ли повежливее! – капризно воскликнула Николетта. – Небось валяешься в кровати и читаешь ерунду! А я достучаться до тебя не могу! Знаю, знаю, как обстоит дело! Смотришь на дисплей, видишь, что звонят из Чехии, и намеренно не отвечаешь. Вот как! Сослал меня в дом престарелых...

Я машинально закивал головой, стараясь особо не вслушиваться в ехидные замечания маменьки. Николетта в ударе. Дом престарелых! Сильное выражение!

Пять дней тому назад маменька укатила в Карловы Вары пить минеральную воду, промывать печень и почки. Я искренне надеюсь, что на всемирно известном курорте родительницу избавят от застоявшегося избытка желчи. Обычно маменька возвращается из Чехии благостная, и я имею целых два месяца относительного спокойствия: тридцать дней, которые она проводит на водах, и столько же, когда Николетта прибывает назад в Москву.

Но в нынешнем году все пошло наперекосяк. Начнем с того, что отель, где Николетта останавливается много лет подряд, закрылся на ремонт, и мне продали путевку в другую гостиницу. Маменька, услышав новость, поджала накрашенные губы и процедила:

– Понятно! На пять звезд денег нет, предстоит жить в мусорном бачке.

Никакие объяснения на Николетту не подействовали, я с пеной у рта увещевал ее:

– Вот, смотри, путевка дороже, чем в прошлый раз. Гостиница новая.

– Фу! Неизвестное место.

– Номер из трех комнат. На втором этаже.

– Ясненько! Апартаменты располагаются над кухней, весь запах поползет в мою спальню.

В конце концов я потерял терпение и воскликнул:

– Ты же там ни разу не была, отчего столь уверена, что гостиница плохая?

Николетта пригвоздила непочтительного сына взглядом к полу.

– Я это чувствую, – заявила она, – весь отдых пойдет насмарку, после напряженного, нервного года я не получу никакой релаксации.

И вот теперь, оказавшись в Чехии, маменька трезвонит постоянно и каждый раз начинает разговор с фразы про тяжелый год. Мне остается лишь удивляться, о каких нервных переживаниях идет речь: Николетта не работает, спит до полудня, потом ездит по магазинам и таскается по гостям. Определенное напряжение она испытывает лишь в бутиках, когда пытается найти такую сумочку, чтобы Кока, Мака, Люка, Зюка и иже с ними лопнули от зависти.

– Вава, – раздался в ухе визг, – ты слышишь? Отель стоит на мусорной куче, по коридорам ходят крысы! А постояльцы! Фу! Никакой интеллигентности! Понаставили на парковке «Бентли» с шоферами. Тут вчера одна заявила! Из Москвы! Некая Лариса! Привезла с собой

---

² Аид – у древних греков царство мертвых.

собаку идиотской породы шпиц и трех горничных! Ведет себя просто неприлично! Сидит на лучшем месте, администратор ее шавке с поклоном кашу подает, а прислуга...

Я вновь попытался абстрагироваться от разговора, лучше в данной ситуации уйти в себя.

– Это кто? – поинтересовался Макс.

– Николетта, – одними губами ответил я.

Приятель хихикнул и ушел.

– Вава! – циркулярной пилой взывала маменька.

– А? – вздрогнул я.

– Ты понял?

– Э... да! Конечно.

– Купишь?

– Что?

– Вава! О чем я только что говорила?

– Гостиница – помойка.

– Дальше!

– Ну... дама с собачкой, нахальная особа!

– Вот! Купи мне ее!

– Тетку? – озадаченно поинтересовался я. – Но зачем?

– Вава! Не идиотничай! Хочу шпица! самого дорогого!

Пообещав разобиженной маменьке собаку вместе с набором аксессуаров, я наконец-то обрел покой и тут же узрел входящую на кухню Нору.

– Ваня, – лихорадочно воскликнула хозяйка, – поехали! Есть дело! Вставай, не жвачься, шевели ногами!

Я покорно потрусил за Норой. Тот, кто имеет в начальницах властную, авторитарную, бескомпромиссную даму, перешагнувшую за климактерический возраст, сейчас хорошо поймет меня. Сопротивление приказам подобной особы бесполезно. Шаг вправо, шаг влево расценивается как попытка к бегству, прыжок на месте – провокация, конвойные применяют оружие. Лучше уж покориться обстоятельствам.

– Ваня, – рывкнула Нора, подбегая к своей машине, – вспомни, что у автомобиля есть педаль газа, и воспользуйся ею. Шурик, по коням!

Мирно смотревший телевизор водитель вздрогнул и завел мотор, Нора села на переднее сиденье и рывкнула:

– Вперед и с песней! Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на стоны, сопли и просмотр телешоу!

Естественно, я приехал домой позже Норы. «Жигули» передвигаются по столице значительно медленнее, чем последняя модель «Мерседеса», оснащенная незаконно поставленными «мигалкой», «крякалкой», стробоскопами и честно купленным «блатным» номером, состоящим практически из одних нолей и букв ЕКХ, которые народ расшифровывает: «еду как хочу».

Нора, вопреки ожиданиям, не стала гневаться.

– Садись, Ваня, – почти ласково сказала она, увидев в кабинете запыхавшегося меня. – И как тебе это дельце?

– Пока никак, – осторожно ответил я, – да и дела нет.

– Ты не понял суть? – возмутилась Нора. – Зою убили.

– Вы ошибаетесь, – попытался я утихомирить Элеонору, – несчастная умерла от гипертонического криза.

– Верно, – кивнула Нора, – но что его вызвало? А? Отвечай!

Я пожал плечами.

– Поясняю, – закричала хозяйка, – появление Игоря!

– Маловероятно, она же сама привела меня, – разумно ответил я, – скорее уж Ляля должна была лишиться чувств.

– Не о тебе речь!

– А о ком?

– Ваня! Кто маячил у занавески?

– Имени, естественно, не назову, но Павел Юркин, это тот сотрудник, который допрашивал меня, уверен, что в гостиную влез вор.

– Глупости, – фыркнула Нора.

– Все нет, – попытался я убедить хозяйку, – Юркин откровенно изложил Максу свое видение событий. Вяземские – обеспеченные женщины, конечно, основным кормильцем семьи был умерший Игорь, но, насколько я понял, Ляля вполне прилично зарабатывает, дом у нее и Зои полная чаша. Вот уголовник и решил пожить. Он, наверное, изучил распорядок семьи, узнал, что дамы вечером принимают ванну, выждал нужный момент, влез в окно...

– На пятый этаж? – ехидно уточнила Нора.

Я мягко улыбнулся:

– Правильный вопрос. Я задал точь-в-точь такой Макс. Знаете, что услышал в ответ?

– Ну? Говори!

– Здание, где живут Вяземские, старой постройки.

– Знаю.

– В те далекие годы...

– Короче!

– Пожарная лестница! Снаружи дома имеется оная. Любой человек легко может вскарабкаться вверх.

– На глазах у прохожих!

– Нет, лестница прикреплена со стороны двора, там вечером никого нет.

– Ерунда!

– Думаю, Павел прав, все непонятные истории имеют обычно самые простые объяснения.

– Ваня, – топнула ногой Нора, – этот Юркин хочет поскорей спихнуть дело, закрыть его!

Да из его версии отовсюду торчат уши! С какой стати вор попер в апартаменты ночью, когда дамы гарантированно сидят дома? Отчего не решился на преступление днем? Ляля на работе, Зоя ушла в магазин. Если он следил за ними, то должен был знать распорядок жизни теток, нашел бы лазейку во времени и воспользовался ею.

– Хорошо, – начал сдаваться я, – вор просто вломился в первую попавшуюся квартиру.

– Почему к Вяземским? На последнем этаже?

– Ну не знаю.

– Отчего прошел мимо тех, кто обитает внизу?

– Понятия не имею.

– Как проник в дом?

– Так по пожарной лестнице.

– Он идиот? Лез наверх, когда мог найти апартаменты внизу!

– Ну... ну... ну...

– Не старайся, – фыркнула Нора, – все равно ничего хорошего не придумаешь. Кстати, у этого Юркина родилась еще более гениальная идея, которой он поделился со мной, пока ты трепался с Максом! Козел!

– Кто? – заморгал я.

– Козел? Павел, – зашипела Нора, – Макс ему сообщил, что я владею детективным агентством, так кретин сразу стал пряником. Сначала спел песню о своей любви к расследованиям, затем пожаловался на скромную зарплату и заявил: «Готов сотрудничать с вами, если нуждаетесь в опытных, знающих людях. Наверное, у тех, кто служит в „Ниро“, неплохой оклад».

Я хмыкнул: да уж, Юркин явно совершил ошибку. Нора не собирается расширять штат, ей охота не руководить людьми, а самой заниматься поисками. Хозяйка ни за что не возьмется за два дела одновременно, «Ниро» для нее не способ заработать на жизнь, а милое хобби, любимая игрушка. Разве ж можно подпустить к ней Юркина?

Но Павел ничего не знает об Элеоноре, поэтому он решил отличиться в надежде на то, что владелица агентства увидит его ум и предложит хорошо оплачиваемую должность. В наше время в государственных правоохранительных органах остались лишь оголтелые романтики, одержимые идеей борьбы с преступностью, люди, готовые, несмотря на смехотворно низкую зарплату и тяжелые условия труда, ловить тех, кто мешает нормально жить обычным гражданам.

Но Юркин принадлежал к иной категории ментов; желая начать карьеру частного детектива, он заявил:

– Я тут надурил вашего приятеля, не было вора!

– Кто же стоял у окна? – удивилась Нора.

Павел поманил ее пальцем и сказал:

– Идите сюда.

Элеонора вошла в гостиную и вздрогнула.

– Заметили, – удовлетворенно воскликнул Павел, – я воссоздал обстановку, потушил верхний свет, оставил лишь тусклую лампу под абажуром. И что в результате? Поясняю. В углу находится торшер, кто-то, наверное, Ляля, набросил на него халат, получилось очень похоже на мужскую фигуру. Торшер включается педалью, которая лежит на полу. Небось невестка случайно наступила на нее, вспыхнул свет, но он не был ярким, ткань почти полностью приглушила лучи, лишь небольшое свечение окружило конструкцию, отдаленно похожую на мужскую фигуру. Дальше просто, нервы у всех напряжены... Зоя падает в обморок и умирает. Дело закрыто, уголовником тут и не пахнет. Вам не кажется, что я Шерлок Холмс?

– Идиотизм, – подскочил я, – я великолепно видел голову в бейсболке, кто-то прятал лицо. И потом, свечение ровной линией обрисовывало контуры тела.

– Верно, – кивнула Нора, – смотри!

Я уставился на тоненькую, невесту из какого материала сделанную трубочку.

– Это что?

– Прикол, – усмехнулась Нора, – продается на метры, можешь обмотать себя, потом нажать на кнопку и светиться, словно елка. Кое-кто из подростков ходит в таком виде на дискотеку, дешево и сердито, эта шутка работает от батареек, которая лежит у тебя в кармане. Хочешь, только голову украсишь, желаешь весь опутаться – семь футов тебе под килем.

– И где это продается? – заинтересовался я.

Нора пожала плечами:

– Шурик сказал, что видел прибамбас на авторынке.

– А вы откуда взяли трубочку?

– Подобрала под окном незаметно от идиота Юркина. Сразу поняла, тут стоял некто, пытавшийся изобразить из себя призрак. И ему это удалось, довел Зою до смерти.

– Кто он был и зачем устроил спектакль? – поразился я.

– А вот это, Ваня, мы с тобой обязательно должны выяснить, – протянула Нора, – мне категорически не нравятся люди, которые пугают таким образом родственников умерших.

Глава 7

Я уже не раз говорил ранее, что детективное агентство «Ниро» было создано Норой в качестве игрушки, поэтому никакие аргументы типа «Вас же не просили начинать расследование, и я не собираюсь оплачивать услуги» на мою хозяйку не действуют.

Впрочем, имейся у нас другой клиент, ну появись сейчас на пороге мужчина с душевраздирающей историей о пропавшей жене или украденных деньгах, Нора могла бы и забыть про Вяземских. Но, как назло, в сентябре агентство «Ниро» не могло похвастаться огромным наплывом клиентов: если честно, к нам не пришел за месяц ни один человек. И заполучившая наконец забаву Элеонора сурово оборвала все мои справедливые замечания патетической фразой:

– Я должна помогать людям. Да, Ляля не нанимала нас. Пока. Она в шоке, потеряла любимую свекровь, которую считала своей второй матерью, впереди похороны, поминки, девять дней, сорок. Любой мало-мальски нормальный человек утратит в подобной ситуации способность логично мыслить. Но уже к началу ноября, отметив сороковины, Ляля очнется и задаст себе вопрос: кто хотел испугать ее до полусмерти? Кому было надо травить вдову? Зачем? Еще она сообразит, что «шутничок» является невольным убийцей Зои, которая скончалась от стресса, вызванного видом «призрака». Не успеет Ляля задуматься о личности мерзавца, затеявшего представление, как мы тут! Придем и назовем ей имя. Ясно, Ваня?

– С одной стороны, да, с другой – нет, – осторожно сказал я. – Что касается вашей мотивации, это понятно. Но отчего вы решили, будто жертва розыгрыша Ляля? Может, негодяй хотел напакостить Зое?

– Нет, – покачала головой Нора, – объект издевательств Ляля. Ее разыгрывали не один раз и, по словам Зои, довели почти до психушки. Мерзавца следует искать в окружении Ляли. Вспомни, Зоя считала, что невестке просто чудится Игорь, к матери сын никогда не приходил, а вот к жене муж являлся регулярно. Нет, изводили именно Лялю. Причем тот, кто это делал, был хорошим приятелем вдовы.

– А это вы почему решили?

Нора сцепила пальцы в замок.

– Ваняша, у тебя странно работает голова. Иногда ты способен на абсолютно нестандартные решения, фонтанируешь удивляющими даже меня идеями, а порой не можешь элементарно сложить два и два. Ну рассуди, каким образом «призрак» попадал в квартиру Вяземских? Неужели ты полагаешь, что человек, который изображал привидение, на самом деле лез по пожарной лестнице наверх, а? Или считаешь его духом, способным к левитации и могущим беспрепятственно проходить сквозь стены? И то и другое смешно. Нет, Ваняша, перед нами преступление, задуманное и совершенное человеком. Небось мерзавец тайком сделал второй комплект ключей. Думаю, он хотел только попугать Лялю, но что вышло?

– Почему вы все время говорите «он»? Вполне вероятно, что основное действующее лицо женщина.

– Рост! Покойный Игорь был высоким мужчиной, – напомнила Нора. – Зоя ведь сказала, что ты издала легко за него сойдешь. Думаю, даже в Москве нелегко обнаружить почти двухметровую гражданку.

– Отчего же? – удивился я. – Манекенщицы, спортсменки...

– Они дуры, – безапелляционно заявила Элеонора, – умеют лишь эксплуатировать свои физические данные.

– Право, Нора, вы несправедливы. Среди названных мною категорий есть...

– Нет, – рявкнула хозяйка, – в нашем случае налицо ум и артистические способности, значит, это мужчина!

Я с изумлением уставился на Элеонору: надо же, всегда считал ее феминисткой, и вдруг подобное заявление. По мнению Норы, выходит, что умом и талантом обладает лишь сильная часть человечества, а красивые девушки, ходящие по подиуму, и спортсменки – идиотки? Но ведь это несправедливо, была у меня знакомая баскетболистка, кандидат наук...

– Мужчина, – продолжала Нора, – хитрый, изворотливый, жестокий. Он сумел подобраться к ключам от дома, сделал дубликат и спокойно входил в квартиру. Сукин сын, естественно, не знал о том, что задумала Зоя, не предполагал, что в шкафу затаился еще один «Игорь». Зоя-то в поздний час спит, мерзавец ожидал увидеть Лялю в одиночестве.

– Согласен, роль Вяземского исполнял парень, но заказчицей могла быть дама, – не дрогнул я.

Элеонора сузила глаза.

– Ваня, – почти ласково ответила она, – я очень хорошо знаю о твоей любви к противоположному полу, но должна тебя огорчить – данное преступление спланировал и претворил в жизнь мужчина. Завтра мы начнем его искать в ближайшем окружении Ляли, после обеда отправишься к вдове. Ладно, давай спать, честно говоря, я устала.

– Но зачем мне ехать на задание во второй половине дня? – весьма глупо поинтересовался я и тут же пожалел об идиотском вопросе: ну какая разница, во сколько начать никому не нужное расследование?

– Потому что к девяти утра ты должен отвезти Лешу в Кардиоцентр, – спокойно ответила Нора, – я уже договорилась с врачом, Одеядкину сделают все необходимые исследования.

Я тяжело вздохнул – совсем забыл о недужном родственничке.

Не знаю, как вы, а я ненавижу вставать на рассвете, мне легче лечь спать в три часа утра и вылезти из-под одеяла в десять, чем уснуть в восемь вечера и открыть глаза в момент восхода солнца. Я типичная сова, вынужденная, увы, слишком часто выступать в роли жаворонка. Поэтому сегодня утром я выполз на кухню в полувменяемом состоянии и попытался привести себя в равновесие при помощи литра кофе.

Алексей же выглядел абсолютно бодрым. Всю дорогу до больницы Одеядкин щебетал, словно веселая птичка, но стоило нам добраться до небольшого здания с надписью «Томограф», как мой спутник, сильно побледнев, воскликнул:

– Может, не надо?

– Пошли, – велел я, ощущая дискомфорт в левой стороне груди.

– Ты уверен? – шепнул Леха. – Чтой-то мне того... не по себе.

– Глупости, – не слишком уверенно попытался я приободрить явно трусившего мужика, – это не больно.

– Точно?

– Полагаю, да. Тебе рентген делали?

– Ага, – понуро кивнул Леха.

– Сейчас будут те же ощущения, собственно говоря, томограф тот же рентген.

– Ой, врешь, – покачал головой Леха, – иначе б он по-иному назывался, не томографом, а рентгеном. Слушай, давай вернемся домой, а? У меня ничего не болит, голова не кружится! За фигом у занятых людей время отнимать, а? Ваньша!

Если честно, мне самому совершенно не хотелось нырять в подъезд, радовала лишь мысль о том, что всякие, скорей всего неприятные, медицинские манипуляции будут производить с Алексеем, я всего лишь сопровождающий, отнюдь не самое главное блюдо банкета.

Получив на рецепшен четкие указания, мы покружили по узким, извилистым коридорам и очутились около двери нужного кабинета, над которой тревожным красным светом

горела надпись: «Не входить, идет сеанс». Мы чинно сели в неудобные, низкие кресла и притихли. Внезапно к моему горлу подкатила тошнота, под лопаткой закололо, а в животе заработал пропеллер. Я попытался справиться с разбушевавшейся вегетатикой, закрыл глаза и решил заняться аутотренингом. Так, попробуем представить себе берег моря, ласковый прибой, волны, накатывающие на песок, солнце, тихий ветерок.

– Ой! – сдавленно вскрикнул Леха.

Я разомкнул веки:

– Что случилось?

– Во жуть-то, – Алексей ткнул корявым пальцем в сторону плаката, прикрепленного к стене.

Я машинально перевел взгляд на текст и углубился в чтение:

«Инфаркт – бич человечества. Смерть от заболеваний сердечно-сосудистой системы стоит сейчас на первом месте среди всех смертей. Даже в автокатастрофах гибнет меньше людей. Человек сам виноват в своем инфаркте, а ведь так легко его избежать. Спроси себя: „Что я делал, чтобы сберечь сосуды здоровыми? Ничего? Тогда моя дорога на кладбище“. Если вам наплевать на собственное долголетие, не читайте дальше статью, но если вы хотите хоть ненадолго увеличить свой срок пребывания на земле, изучите наш доклад. Курение. Немедленно бросьте сигарету, каждая из них отнимает у вас десять минут жизни. Ну-ка, посчитайте!»

Словно кролик, скованный взглядом кобры, я вытащил из кармана мобильный, нашел в меню калькулятор и начал нажимать на кнопки. Значит, я в день выкуриваю тридцать сигарет, тридцать на десять... О господи! Триста минут! Это же пять часов. В году у нас триста шестьдесят пять дней, это получается... Восемь тысяч семьсот шестьдесят часов!

Недокончив расчеты, я сунул руку в другой карман и смял пачку. Никогда больше не стану курить, я и не предполагал, сколь опасен табак. Взор вновь обратился к плакату.

«Еда. Свинина, яйца, сливочное масло, жирное, жареное, соленое, копченое. Каждый кусок подобного яства отнимает у вас десять минут жизни».

Я вновь впал в ступор. Мать Божья! Я очень люблю мясо, а свинина – самое нежное из всех возможных. Говядина и телятина суховаты, у баранины неприятный привкус. Так, вчера я слопал отбивную с жареной картошкой. Сколько в блюде имелось «укусов»? Ну, допустим, десять, возведем в квадрат... О-о-о, сто минут, это же чуть больше, чем полтора часа. Мне стало очень некомфортно. Еще я завтракал омлетом, а вечером, ближе к ночи, испытав голод, спокойно сделал себе пару бутербродов из мягкого белого хлеба и свежего вологодского масла. Итого выходит, три часа жизни псу под хвост. Поежившись, я вновь стал читать плакат:

«Если не занимаетесь в спортзале регулярно, отнимите из каждых суток сто двадцать минут. Пользуетесь автомобилем? Долой еще двести. Имеете мобильный телефон? Испытываете стресс? Волнуетесь о своем будущем? Вас беспокоит судьба детей? День стал короче на шестьдесят минут».

Я вытер пот со лба, хорошо хоть, не обременен семьей, ох, не зря я избегал женитьбы, теперь могу радоваться дополнительному времени на жизнь.

«Холестерин! Вы знаете свои показатели?» – вопрошал плакат.

Господи, конечно, нет. Холестерин, это где? В каком месте? В голове или животе?

«Меряете давление? Оно повышено? Нам жаль вас...»

Я не успел дочитать вдохновляющий текст до конца, раздалось лязганье, красная надпись погасла, широкая дверь распахнулась, и в коридор выехала каталка, на которой лежал сморщенный, высохший, жутко страшный дед с синюшным лицом. Передвижную кровать толкала перед собой хорошенькая, похожая на ватрушку медсестра. Не успела она сделать два шага, как из кабинета полетел вопль:

– Катька! Историю болезни забыла.

– Ой, ща! – воскликнула «ватрушка» и побежала назад.

– Слышь, пацаны, – прохрипело с койки, – закурить е?

Я покачал головой и нащупал пальцами измятую пачку.

– На, дедуля, – дрожащим голосом сказал Леха, – пользуйся.

– Какой я тебе дед, – слабо завозмущалась развалина, – позавчера тридцать пять стукнуло.

– Мама дорогая! – взвизгнул Леха. – А чего ты такой страшный? Чем болеешь?

– Не знаю, пацаны, – грустно признался парень, быстро пряча пачку под одеяло. – Пришел сюда месяц назад на своих ногах анализы сдавать, а меня оставили, теперь лечат. И что интересно, с каждым днем мне хуже делается.

Мы с Лехой переглянулись, вскочили с кресел, но тут из кабинета вынырнули «ватрушка» с толстой тетрадкой в руках и стройная дама в голубом халате.

– Одежкин? – очаровательно улыбаясь, заявила последняя. – Проходите.

Затравленно оглядываясь, Леха исчез в комнате, я обвалился в кресло и, провожая взором медсестру, бойко толкавшую по длинному коридору каталку, начал давать себе клятву.

Так, следует признать, я был безответственен, отвратительно относился к своему здоровью, разбазаривал его направо и налево, пора сделать выводы, ведь уже не мальчик. Значит, курить я бросил, прямо сейчас. И ем отныне лишь диетические блюда, без соли, сахара, жира и консервантов. Немедленно запишусь в спортзал, выброшу мобильный, стану ходить пешком, даже близко не подойду ни к одному существу женского пола. Хотя о сексе в плакате стыдливо умалчивается, но, я полагаю, интимные отношения нагрузочны, они наносят огромный урон здоровью. Я же совершенно не хочу в могилу!

В подобных размышлениях пробежало полтора часа, и с каждой минутой мне делалось все хуже и хуже, потому что со всех сторон к кабинету на каталках и инвалидных креслах подруливали больные люди самого устрашающего вида, кое-кто из них был утыкан трубками и обвешан банками.

Сначала мне стало неудобно оттого, что выгляжу совершенно здоровым, даже захотелось воскликнуть: «Люди, я такой же, как вы, насквозь отравленный табаком и свининой!»

Но потом меня охватил страх. Господи, небось эти несчастные тоже не хотят отправиться на тот свет! Они были здоровы, доконал их неправильный образ жизни. И потом, кто сказал, что сердечно-сосудистые заболевания не заразны? Наука еще мало знает! Вон раньше язва считалась последствием ошибок в диете, а сейчас доказано: слизистая желудка поражается некой бактерией, язву запросто можно подцепить, целуясь с больным человеком, вот почему болезнь является семейной заразой. Получил язву папа, за ним мама, следом дети... Может, и с инфарктом так? А я сижу в кресле около больных!

Невидимая рука стала толкать меня в спину, как назло, находившийся в непосредственной близости инвалид принялся кашлять. Я моментально покрылся потом и стал проклинать хорошее воспитание. Конечно, неприлично сейчас подпрыгивать и нестись в противоположный конец коридора, скорей всего, я обижу этим несчастного больного. Но ведь неохота подцепить заразу. Что в данном случае важнее: чужая обида или собственное здоровье?

Моментально сделав вывод, я вскочил и тут же увидел Леху, выходящего в коридор. На лице Одежкина было странное, горько-задумчивое выражение. Сердце у меня сжалось в комок и прыгнуло в горло.

– Что? – с неподдельной тревогой воскликнул я. – Плохо?

Головы инвалидов повернулись в нашу сторону. Леха задрал рубашку:

– Во.

Я ахнул и прижал ладонь ко рту – было от чего оторопеть.

Торс Лехи оказался опутан разноцветными проводами, они брали начало из небольшой прямоугольной коробочки, похожей на плеер, подвешенной на ремне. Потом шнуры разбега-

лись в разные стороны и при помощи присосок крепились под ключицей, на груди и боках мужика.

– Это что? – еле-еле сумел выдавить я из себя.

– Ерунда, – прошелестело с одной из каталок, – типа кардиограммы.

– Верно, – закивал Леха, – велели несколько дней носить не снимая. И спать в этой хрени придется! Во беда.

– Больно? – с сочувствием поинтересовался я.

Одеялкин скорчил гримасу, с каталок донесся тихий смешок, потом больные начали быстро говорить:

– Ерунда! Ему бы изотопное исследование попробовать.

– Ты че, хуже шунтирования ничего нет.

– Ха, шунтирование! А пересадку не хошь?

Леха затравленно огляделся, перекрестился, схватил меня за плечо и велел:

– Давай в машине погутарим, чегой-то мне тут не по себе, чесаться начал, и зубы заныли.

Хотя я давно протезы поставил!

Глава 8

– Мне не больно, – сообщил Леха, сев в машину, – вообще никак. Одна беда.

– Какая? – нервно спросил я, борясь с желанием закурить.

– Эта хрень доктору все о моем здоровье сообщит, – начал объяснять Леха, – там внутри записывающий аппарат. Врач велел вести привычный образ жизни, ни в чем его не менять, курить и выпивать.

– Зачем? – поразился я. – Вот уж странная рекомендация из уст доктора.

– Не, – ухмыльнулся Леха, – не в том суть! Инне Алексеевне, докторше этой, надо видеть: во, зашкалило аппарат. Отчего? А, Леша с соседом поругался. Понимаешь? Поэтому ща пока надо себя обычно вести. Потом Инна Алексеевна выводы сделает, скажет, допустим: «Слышь, Леха, не ходи на работу, у тебя из-за нее сердце барахлит». Во беда!

– В чем же неприятность? – улыбнулся я. – Вроде особых ужасов тебе не сообщили, просто датчик навесили. Эка печаль, живи спокойно.

– Не получится эксперимент, соврет коробочка, – приуныл Одеалкин.

– Наверяд ли, – решил я приободрить его, – не ты первый с ней ходишь.

– Понимаешь, – окончательно пригорюнился Леха, – у меня ведь как день проходит? Утром встал и на работу, я почти разношу, до трех часов управлюсь, потом свободен. Припрусь домой, а там Клавка, зуда, блин! Как заведется! «Двор не подмел, забор не поправил, табуретку не сделал, огород не полил...» Гр-гр-гр, гав-гав-гав... Ну я распахуюсь, ведра пошвыряю, удочки схвачу – и на речку.

– Зачем?

– Во, спросил! Это ж лучший отдых! – с жаром воскликнул Леха. – Сидишь на бережку, на воду глядишь, душа и оттаивает. У нас красиво до жути! Лес стоит зеленый, тишина! Рыба ловится в любой час, без штанов в воду не войдешь, отгрызет кое-чего начисто. Ха-ха!

Я улыбнулся:

– Мне незнакомы прелести рыбалки, я никогда не принимал участия в забаве.

На лице Лехи появилось выражение искреннего сочувствия.

– Ваньша! Какой ты несчастный человек! Живешь в грохоте, дышать нечем! И рыбу не ловил! Во беда! Ну ничего, хочешь со мной поехать? Вот только коробочка эта!

Леха снова приуныл и тоскливо закончил:

– Ну, допустим, вместо работы я могу просто у вас во дворе побегать. А где рыбалку взять? И Клавку? Может, мне от бабы плохо? Инна Алексеевна строго предупредила: «Только при условии соблюдения вашего постоянного распорядка дня наше исследование окажется точным». Получается, зря я в столицу катал, кучу бабок извел, не получится узнать про здоровье.

Последние слова Леха произнес шепотом, мне стало жаль бедолагу, и я решил его приободрить.

– Друг мой, безвыходных положений не бывает.

– Ну е мое! А рыбалка? А Клавка?

– Поезжай домой на время эксперимента.

– Ваньша! Коробку уже приклепали! Мне ж в поезде двое суток переть.

– На самолете можно.

– Во! У нас в деревне аэродрома нет! Это ж надо до Екатеринбурга лететь, а оттуда на кукушке катить, и денег столько нет, взад-вперед шмыгать!

Я призадумался, потом воскликнул:

– Не стоит отчаиваться! Утром походишь вокруг дома, а потом на рыбалку.

– И че? У вас тут можно шук найти? – оживился Леха.

– Наш сосед регулярно куда-то ездит, узнаю адрес и отвезу тебя.

– Ваньша! Класс! Вот только... – снова притих Леха.

– Теперь что? – насторожился я.

– Удочки нет, опарышей тоже, уж про воблеры я и не вспоминаю, – зачастил Леха, – не с прутиком же сидеть, смешно!

Я взял в руки мобильный.

– Эка проблема, сейчас изложу хозяйке суть вопроса, и поедем в специальный магазин для рыболовов.

У Элеоноры, как у любого человека, есть определенный набор отрицательных черт, но жадность к ним не относится.

– Естественно, купи ему все необходимое, – велела хозяйка, – привези домой и отправляйся к Ляле. Да поторопись!

Я кивнул и повернулся к Лехе:

– Ну, покатили.

В магазине «Счастье рыболова» Одежалкин почти лишился чувств. Сначала он, разинув рот, прилип к прилавку, потом прошептал:

– О господи! И что, это все можно купить?

– Да, – улыбнулся я, – конечно.

– Мне вот... – начал было Леха, потом замолк.

– Если выбрал, то говори, – поторопил я Одежалкина.

– Дорого как!

– Это подарок от Норы.

– Ой, не возьму.

– Но почему?

– Отдарить нечем!

– И не надо.

– Нет, нет, я так не могу! Хотя... вам табуретка нужна? Давай сколочу.

– Хорошо, – кивнул я, – просто прекрасно, вот и решили: мы тебе снасти, а в обмен получим необходимую мебель.

Через полчаса совершенно счастливый Леха сел в «Жигули» и принялся рассказывать мне обо всяких приспособлениях. Я делано удивлялся, испытывая радость от того, какое счастье излучал Одежалкин. Под самый конец монолога он продемонстрировал мне банку с отвратительными здоровенными жуками.

– Это кто? – с некоторой брезгливостью осведомился я.

– Тараканы, – гордо сообщил Леха.

Меня передернуло.

– Ты уверен? Обычно они маленькие, рыжие, а тут темные, блестящие...

– Это не российские насекомые.

– Да? Откуда же их завезли?

Одежалкин пожал плечами:

– Ну вроде из Эфиопии, я точно не знаю. Только теперь их в России разводят, есть специальные люди, у них аквариумы дома стоят, там таракашки живут.

– Какая гадость! – не сдержался я.

– Вовсе нет, – возмутился Леха, – суперская наживка, лучше опарыша. Не думал, что эти эфиопские твари в Москве есть, я за ними в Екатеринбург мотался. Хотел, правда, сам разводить, да Клавка заистерила.

Я вздохнул. Может, конечно, супруга Лехи и отличается на редкость вздорным нравом, но в данном конкретном случае я совершенно с ней солидарен. Обитать в доме и знать, что за стеной, в стеклянном ящике, копошатся жуткие насекомые! Право, ужасно!

Не заметив моей брезгливости, Одежкин потрянул банку.

– Во, Ваньша, глянь! Шевелятся!

– Они не выползут? – с некоторой опаской осведомился я.

– Да ты че? Крышка заверчена, – успокоил меня Одежкин.

– И все-таки лучше не оставляй их одних!

Леша улыбнулся:

– Так они не кусаются.

– Ты приглядывай за тараканами, – не успокаивался я.

– Не дрейфь! – хмыкнул Одежкин. – Суну банку к себе под подушку.

Я глубоко вздохнул и не стал продолжать разговор. Никогда бы не сумел заснуть, зная, что под головой хранится упаковка с монстрами.

К дому Ляли я подъехал в районе шестнадцати часов. Нора дала мне четкие указания, и я великолепно знал, как следует себя вести.

Дверь в квартиру оказалась открыта, я вошел и осторожно произнес:

– Здравствуйте.

– Вы кто? – послышалось в ответ, и из-за угла вылетела худенькая женщина. – Цветы привезли?

Мне на секунду захотелось зажмуриться. У незнакомки были удивительные волосы: ярко-рыжие, мелко выющиеся кудряшки, просто огненный сноп локонов, падающий на плечи. Никогда я не встречал людей с подобной шевелюрой.

– Нет-нет, разрешите представиться – Иван Павлович Подушкин, детективное агентство «Ниро».

В глазах женщины мелькнуло откровенное удивление.

– Соня Работкина, – представилась она, – подруга Игоря еще с детства. Вообще-то я родственница тети Зои, но такая дальняя, что и говорить не о чем.

– Вы-то мне и нужны, – обрадовался я, – а где Ляля?

– Ей совсем плохо, – пригорюнилась Соня. – «Скорая» приезжала, укол сделала, спит Лялька. Досталось ей, конечно, по полной программе, не всякая выдержит. Сразу двоих потеряла, сначала мужа, потом свекровь! Хотя, может, кто, конечно, и обрадовался бы. Вот у нашей соседки, к примеру, супругник пил, словно старый верблюд! Как на свадьбе начал за воротник закладывать, так до развода и не просыхал! Ничего не помогало! Она и плакала, и ругала его, и просила. По-хорошему, по-плохому... все одно. А мать его! Ну чума! Другая бы взяла скалку да отходила сыночка-алкоголика. Так нет же! Баба скандалы устраивала. «У хорошей жены муж не квасит. Петя нервничает! Не смей его заставлять неурочно работать». До того договорилась, что заявила невестке: «Вали отсюда! Петечке другая нужна, ласковая и заботливая!» Вот тут соседка прифигела, а потом напомнила свекрови: «Слышь, жопа! Кто у кого живет? Квартира-то моя! Вы с Петькой из Тмутаракани заявили и на московской жилплощади исключительно из-за его женитьбы оказались».

Ну дела! Соседка потом с ними судилась. Так вот, помри они в одночасье, Петька с его мамуской, моя соседка даже не всхлипнула бы. Хотя, наверно, от радости бы рыдать принялась! Но нет же! Живы-здоровы, как коровы. Правда, она их выпереть сумела, но для этого пришлось трешку продавать! Сволочи! Давно я, кстати, заметила! Над чем трясешься, то у тебя добрый боженька и отнимет, накажет невесть за что. Вот, к примеру, Лерка Волчина! Она в театре петь собиралась, десять лет училась, и чего? Пропал голос. А вот у Надьки Морозовой, которой на сцену не с руки лезть, такой бас! Гремит трубой, ничего ее не берет! Мороженое ест, босиком бегает! А Лерка береглась, да попусту. Зато Надька собак обожает, у нее их три штуки! Ухаживает за барбосами, как за детьми! Прививки, диета! И что? Мрут они у нее словно мухи,дохнут от ветра. Вот оно как! Зато у Лерки дворняга имеется, никто за ней особо

не приглядывает, пятнадцатый год скрипит. И что получается? У одной голоса нет, зато шавка живее всех живых. Но Лерке этого не надо, ей петь охота. А у Надьки голосище трубой, но болонки передохли, только Морозовой на таланты плевать, она по лохматым убивается. Разве это справедливо, а? Ну скажите?

От трескотни Сони у меня начала кружиться голова, а Работкина не собиралась захлопывать рот. Вопрос о справедливости был ею задан риторически, никакого ответа она не ожидала, продолжала болтать дальше, успев в перерыве между рассуждениями велеть мне:

– Снимайте ботинки и идите в гостиную.

Я повиновался и вновь оказался в комнате, где вчера развернулись печальные события.

С тех пор тут, похоже, никто не убирал. Везде были разбросаны вещи, на диване валялся серо-голубой махровый халат, на полу лежал плед и две подушки. Я вздрогнул, увидав на паркете полустертую белую линию. Бригада милиционеров, приехавшая по вызову, очертила место, где лежал труп Зои. Было очень душно.

– Фу, – скривилась Соня, – я не входила сюда с ночи, как прибежала к Ляльке, так у нее в спальне и сидела. Дышать нечем! Надо окошко приоткрыть.

С этими словами она подошла к занавескам, язык Работкиной продолжал болтать:

– Во, вечно Ляля драпировку до конца не сдвинет, ей красиво кажется, если окно полуприкрыто, стопор поставила. Идиотство полнейшее! Я ей сто раз говорила: из-за твоей красоты в комнате темно! Ну сейчас-то я их сдвину!

Соня резко дернула портьеру, в то же мгновение из ее складок высунулась простая вешалка и снова исчезла.

– Ваше! – всплеснула руками Работкина. – Кто ее сюда прицепил? На веревке привязал к карнизу! Во сделано как! Ездит вместе с тюлем! Зачем? Ну, Ляля! Вечно ерунду удумает! А еще у нее в ванной этажерка с цветами! Ну не дура ли, а? Хотя, если учесть, каково ей досталось! Так еще и не такие странности делать начнешь! Сначала Игорь с собой покончил. Лялька чуть с ума не сошла, она мужа обожала. У нее в голове четко застряло: Игорек – принц! Себя за лягушку считала! Вот е-мое! Это ее так воспитали! Нет уж, если у меня когда дети будут, не стану их гнобить, никогда! Хотя, теперь я знаю, к сыну и дочке можно по-разному относиться! Вот тетя Зоя. Чего она только ради Игорька не делала! Верочку погубила! Мне у них года два потом прям плохо было! Висела в квартире чернота, я ее спиной чуяла! А все Вера! Ну кто бы подумать мог! В десять лет в петлю влезть! Хотя Ларису и не посадили, да мучается небось! Не зря она отсюда съехала! Мать ее, Зинка, осталась! Первое время глаза в пол ходила, потом исчезла. Ну да столько лет прошло! Думает небось, все забыли! Конечно, люди про чужие беды не думают. Но я-то помню. Эх, Ларка! Вот уж Зинка ненавидит тетю Зою! О-о-о! Они один раз подрались! Вы чай хотите или кофе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.